

Б. В. Шергин

ДНЕВНИК 1945 ГОДА (18 ЯНВАРЯ — 12 АПРЕЛЯ)

Вступительная статья А. Н. Мартыновой

Публикация И. А. Красновой

Фонд Б. В. Шергина в Рукописном отделе ИРЛИ (Р. V. К. 376) был создан в 1979 году, когда Пушкинский Дом приобрел часть архива писателя от М. А. Барыкина, наследника Бориса Викторовича. М. А. Барыкин не был кровным родственником Шергина, но Борис Викторович любил его, называл «богоданным племянником» и заботился о нем. Вероятно, на М. А. Барыкина в последние годы жизни Б. В. Шергина выпала доля забот о потерявшем зрение писателе. Однако невозможно умолчать о том, что к литературному наследию Б. В. Шергина он отнесся довольно небрежно. В ИРЛИ поступили два чемодана, наполненных ворохом пыльных бумаг — рукописных и машинописных листов, копий, вариантов опубликованных произведений, перепутанных с письмами, личными документами, фотографиями и др. Среди немногих неопубликованных документов сохранились подлинные ценности: записные книжечки 1920—1930-х годов и дневники 1940—1960-х. По мнению писателя Ю. Ф. Галкина, хорошо знакомого с архивом Б. В. Шергина, в ИРЛИ хранится бо́льшая часть дневников писателя. По непроверенным данным, часть дневников находится в каком-то государственном архиве в Москве, часть — в частных руках. Дневники, хранящиеся в ИРЛИ, готовятся к публикации.

Фрагменты дневников, в том числе 1945 года, неоднократно публиковались.¹ Но все известные нам публикации имеют общие недостатки: они не датированы и не полны. Собственно, это выписки, выдержки из дневниковых записей (всегда точно датированных автором) отдельных умозаключений и наблюдений Б. В. Шергина. Составители включали в публикации фрагменты, исходя из своих собственных субъективных ощущений, поэтому личность автора записей не получила в них полного и глубокого отражения. В частности, в этих публикациях почти не получила отражения глубокая и искренняя вера Б. В. Шергина в Бога и православную Церковь.

В архиве ИРЛИ хранятся записи 1945 года с 18 января лишь по 23 сентября (по новому стилю). В данную публикацию включены дневники с 18 января по 12 апреля. Это первая попытка издания дневников писателя датированных и без каких бы то ни было сокращений.

При подготовке дневников к печати неизбежно возникает сомнение: этично ли это, имеем ли мы право публиковать записи личные, интимные, предельно искренние, в которых писатель полностью раскрывает свою душу, изливает свою боль, сокрытую от постороннего взгляда, боль, которая не нашла отражения в его произведениях.

И все-таки решение было однозначным: да, мы не только можем, мы должны опубликовать дневники. Б. В. Шергин — уникальный, неповторимый, талантливейший писатель, его дневники — замечательные произведения русской словесности — и они помогают нам глубже понять творчество, основу, корни, если можно так выразиться, его словесного художества.

Доводом для публикации послужила и удивительная актуальность записей более полувековой давности. В далеком 1945 году сумел Б. В. Шергин разглядеть зловещие семена, которые пышно проросли в наше время. 10 марта он записал: «Сейчас, живя посреди бедствий неисчислимых, посреди смертей многих, люди стали осатанелыми эгоистами. Рядом в квартире может умирать с голоду человек, и никто не зайдет, не сунет корку хлеба, не даст полена дров... Живя „посреде смертей многих“, посреди бед несчастных, люди не только не опомнились, не раздумались, не устранились, не сокрушились сердцем — нет: преклонение перед успехами всеобщее и полное, какая бы мразь ни достигла успеха и какие бы средства для успеха ни были этой мразью употреблены. Успевших превозносят все. Неуспевших все презирают. Понятия: это — добро, а это — зло, это — смрад, а это — благоухание, это — свет, а это — тьма, — потеряны, потоптаны... Многие из этих намученных, намятых людей ожесточились, обиделись на Бога. — Молись, не молись, а жизнь своим чередом...» Пророческими оказались высказывания Б. М. Шергина и о предстоящем возрождении веры в Бога и православной Церкви, которое медленно происходит на наших глазах. 27 марта он пишет: «Свет во тьме будет светить, тьма не угасит его. Окаменит враг сердца людей. Господь и из камня изведет чад Церкви. Пусть будет два да три — Христос посреде нас. Где велико стадо — то антихристово. Руды — вороха, золото — крупичами, но что дороже? Пускай будет верных малое стадо. Они соль земли, они свет миру! И сила Божия одолеет зло мира сего».

В дневниках, которые писатель ведет день за днем, не мог не отразиться быт, «житуха», бедность, обиды и болезни. Но так в 1940—1960-е годы жила основная масса населения, большая часть народа, и записи Шергина, отражающие бытовое убожество, гранничашее с нищетой, — это и отражение сознания единства с народом: «Так мало счастливых, в такую печаль упал и лежит род человеческий, особенно сынове российские, что в полку сих страдающих спокойнее быть для совести своей». —

запишет он в 1944 году. И сколь малое место занимают в дневнике описания «житухи-бытухи»! По признанию Б. В. Шергина, писать следует о том, что «светит уму, что желанно сердцу». Более всего светила уму писателя и была желанна его сердцу родина, ее история, природа, любимый Север, народное искусство и его творцы. Тема родины — основная тема его дневников так же, как и художественных произведений; родины, прошлое которой он воспевал и в будущее которой он верил. Именно поэтому при чтении дневника возникает светлое чувство восхищения и преклонения перед физически немощным, но духовно необычно сильным нравственным мыслителем, мудрым и талантливым. Но неизбежно и чувство тоски и скорби. Ведь он был современником многих из нас... Так почему же, почему лишь немногие из людей доставили себе счастье общения с ним, а ему, может быть, немного радости встречи с человеком, любящим его творчество... Это покаянное чувство и впечатления от единственной своей встрече с Б. В. Шергиным и похоронах его предельно откровенно выразил Ф. А. Абрамов в «Заметках»: «...хорошо помню его светящийся лик (ничего больше подобного не видел): его неторопкую, умиротворяющую речь. Как ручей в белой ночи... Вышел с ощущением святости... И все люди хорошие. И хотелось со всеми быть хорошим. А потом за суетой все это выветрилось, забылось... Помню полутемное, полуподвальное помещение. В окошках беспрерывно мелькали ноги — то шли по тротуару пешеходы. А на убогой кровати солдатского образца сидел сухонький, плешивый, с козлиной бородкой старичок и дивный свет излучал вокруг. (Наверное, вот такие были в старину святые)... Как свеча, как светильник. В памяти вставал почему-то Зосима Достоевского, в последний раз наставляющий Карамазовых, деревенские старики, которые уже „сожгли“ всю свою плоть. Бесплотные, бестелесные... Как светильники... от которых пахнет воском, ладаном, сухой полевой травкой или сенцом»².

В кратком предисловии к дневнику мы не ставим цели проследить творческий путь писателя и отсылаем читателя к работам А. А. Горелова, Ю. Ф. Галкина, Е. Ш. Галимовой и др.³

Дневник — особый жанр. Дневник Б. В. Шергина — дневник христианина, болеющего за несовершенство мира и покаянно исповедающегося в своих слабостях. Он ежедневно перечитывает жития святых и мучеников, Священное Писание и размышляет над прочитанным и «строит» свою душу.

Исследователи (в частности, А. А. Горелов) отмечали влияние на писателя гениального протопopa Аввакума. Ни в одном произведении Шергина не проявляется влияние «Жития» Аввакума так ярко, как в дневниках. Оно прослеживается и в стиле, и в содержании. Лаконизм, частое использование диалогов, умение «оживить» давно жившего человека или святого так, что он зримо предстанет перед читателем, яркая народная речь и старославянизмы характерны для Аввакума и Шергина. И в содержании есть что-то общее и, прежде всего, страдания за поруганную Церковь, староверческую у Аввакума, вообще православную у Шергина; ярость

неистового протопопа против «грешных никониан» и безрелигиозно ироническое негодование Шергина на литературную шагию, рвущую друг у друга награды и богатство. И жизненные обстоятельства писателей, разделенных веками, чем-то схожи. Пятнадцать лет просидел Аввакум в земляной тюрьме с малым окном, в которое подавали ему скудную пищу; пятнадцать последних лет одинокий, слепой Шергин провел почти безвыходно в своей комнате.

Язык дневника — талантливый сплав стилистических средств древнерусской литературы и народной словесности. Шергин прекрасно знал и старинную книжность и фольклор. В силу своей истории русский Север стал необъятным хранилищем народной культуры, «крестьянской библиотекой». Старинные книги хранились в доме родителей, родственников, знакомых, и будущий писатель с детства окунулся в этот мир: сначала в силу охватившей его страсти к рисованию он копирует заставки, миниатюры, затем копирует книги и читает их.

Что касается народной речи и словесности, то он жил среди этого безбрежного моря и «перенимал» старины, сказы, сказки, песни от матери и от мастеров «золотых словес» — известных исполнителей: П. О. Анкундинова, Н. П. Бугаевой, М. Д. Кривополеновой.

Шергин начал выступать с исполнением фольклорных произведений на вечерах в гимназии в Архангельске, затем в Москве в Строгановском училище и Институте детского чтения, а потом и на концертах перед разными аудиториями. Писатель-артист, писатель-художник, писатель — нравственный мыслитель. Таким он был.

Немного о жизненном пути писателя. Биография Б. В. Шергина не богата событиями. Родился в 1896 году в Архангельске в семье помора, закончил там классическую гимназию, в 1913 году поступил в Строгановское художественно-промышленное училище, в котором овладел профессией художника. О таланте Шергина-художника свидетельствуют его собственные иллюстрации к трем его книгам, рисунки на полях рукописей. В 1916 году Академия наук командировала его в Архангельскую, Вологодскую и Олонецкую губернии для записи народных говоров. Во время гражданской войны на двадцатитрехлетнем юношу обрушилась беда: в 1919 году на принудительных работах во время оккупации Архангельска интервентами он попал под вагонетку, и ему ампутировали ступню. Б. В. Шергин становится инвалидом. Позднее его подстерегло еще большее несчастье: после сорока лет начало гаснуть зрение. Последние пятнадцать лет жизни писатель и художник видел окружающий его внешний мир лишь внутренним зрением. В дневнике 1944 года Б. В. Шергина есть такая запись: «Еле брожу, еле вижу. Профессор Маргулис как-то похлопал меня по плечу и, всегда холодный, равнодушный, участливо взглянул: „Не много ли для одного человека?“».

В 1920—1921 годах Б. В. Шергин — заведующий художественной частью архангельских ремесленных костерезных мастерских. В 1922 году он переезжает в Москву и поступает на работу в Институт детского чтения

Наркомпроса художественным рецензентом в должности научного сотрудника первого разряда, где и работает 9 лет. Тогда же он поселяется в комнате полуподвальной коммунальной квартиры по Сверчкову переулку вместе со своим дальним родственником (их матери были двоюродными сестрами) Анатолием Викторовичем Крогом, отец которого был норвежцем. Кровное родство не очень близкое, но оно оказалось поистине братским. Б. В. Шергин называл Анатолия Викторовича «названным братом», «брателкой», «поводырем всей моей жизни». А. В. Круг по профессии был актер, но временами приходилось ему быть и руководителем драматических заводских кружков и браться за другую работу. С юности этих людей объединяло единомыслие, духовная близость, религиозность. Сам не обладая ни крепким здоровьем, ни пробивной силой «добыть», «достать» продукты, одежду, Анатолий Викторович до конца дней своих заботился о Борисе Викторовиче, забывая о себе и подчас уповая лишь на Бога. Примечательна запись разговора названных братьев в дневнике Шергина от 13 марта 1945 года:

«Брателко говорит:

— ...тогда пришел край, не мог я встать, на базар итти, взмолился я с воплем крепким к Николе Скорому Помощнику, и уж который месяц, вдоволь у нас картошки.

— Брателко, ради твоей веры, ради твоего подвига, гора подвинуться может!

— А помнишь тот таи год... Чернело у меня в глазах, ходил я, держась за стены. Началось у меня белокровие. Тогда на Страстной обнесла меня дурнота у церкви, упал я на порог храма Божьего. И взмолился я тогда Богу... И стало мне лучше да лучше. Разве не чудо? Разве можно забыть, не видеть здесь милости Божьей?

— Брателко, — я отвечаю, — сосчитана у Господа Бога каждая твоя слезинка. Если не на таких, как ты, то на ком явится сила Божия. В твое чистое сердце, радуясь, глядится Господь».

Щемящая душу тоска охватывает, когда читаешь записи Бориса Викторовича о кончине «братишечки» в 1959 году, о горе неизбывном, постоянном потерявшего опору в жизни, ослепшего писателя. Конечно, были люди, помогавшие Б. В. Шергину, и среди них нельзя не упомянуть писателей Ю. Ф. Галкина, А. К. Югова, художника И. С. Ефимова, издательского редактора В. Я. Сякина и других. Особенно много при жизни и после смерти Бориса Викторовича сделал Юрий Федорович Галкин, подготовивший к изданию несколько книг Шергина.

Но смерть А. В. Круга была невосполнимой потерей для писателя. В 1973 году и он сам лег на вечный покой на Кузьминском кладбище, рядом с любимым братом. По воспоминаниям Ф. А. Абрамова, присутствовавшего на отпевании в церкви, почти никого в Москве не взволновала смерть Б. В. Шергина, в том числе и членов Союза писателей, в котором с 1934 года состоял Шергин. В цитированных уже «Заметках» Абрамов пишет, что придя в день смерти писателя в ЦДЛ, в просторном портретном зале

вестибюля, стены которого были увешаны цветными, яркими, зазывными афишами, на шите у стола дежурной он увидел «небольшой белый листок, исписанный черными письменными буквами, сиротливый, нищенский на фоне этого великолепия... Вчитался. Траурное объявление, возвещающее о смерти члена СП с 1934 года Бориса Викторовича Шергина. И все. Ни фотографии, ни обычного указания о дне похорон, панихиды... А может, это тот Шергин... Нет, нет, не может быть... О том же ведь рыдал бы сейчас весь Дом литераторов... Звоню Юре Галкину.. Да, да, тот самый... Тот самый. Почему так? Ведь это слава России. Ведь умер большой волшебник слова... Полное равнодушие... Да, умер неповторимый волшебник слова, может быть, лучший писатель, живший в Москве. А Москва и не знала, что такой есть»¹.

Из церкви на кладбище Б. В. Шергина провожал в последний день лишь один писатель — Ю. Ф. Галкин. Поистине, нет пророка в своем отечестве.

Но возрождается интерес к творчеству Б. В. Шергина, после его кончины вышло в свет больше книг, чем при жизни. Возник в наши дни в обществе и искренний интерес к личности писателя. В какой-то мере публикация его дневников (сопровождаемая необходимыми первоначальными, в силу специфики материала в основном теологическими примечаниями) удовлетворит, будем надеяться, этот интерес. Дневников, которые помогут нам укрепить чувство Родины и любви к народу и его великому искусству.

¹ *Б. В. Шергин. Из дневников разных лет // Поэтическая память / Сост., автор предисл. Ю. Ф. Галкин. М., 1978; Б. В. Шергин. Из дневников 1942—1953 годов // Шергин Б. В. Изящные мастера. Сост. предисловия Ю. Ф. Галкин. М., 1990; Шергин Б. В. Дневники 1942—1968 гг. / Подг. текста Е. Л. Шульман. Сост. и примечания Ю. М. Шульман // Москва, 1994, № 4—5 и др.*

² *Абрамов Ф. А. Борис Шергин: Литературные портреты и статьи // Собр. соч. Т. 5, СПб, 1993, С. 425, 428, 429.*

³ *А. А. Горелов. Ему не будет перемены // Соединяя времена. М., 1978. Ю. Ф. Галкин. 1) Свет негасимый // Север. 1981, № 10; 2) Борис Шергин. Златая цепь. М., 1982; 3) Отцово знание // Шергин Б. В. Изящные мастера. М., 1990. Галимова Е. Ш. 1) Первый кормщик // Слово о Ломоносове. Архангельск, 1986; 2) Книга о Шергине. Архангельск, 1988. Шульман Ю. М. И. С. Соколов-Микитов и Б. В. Шергин // Творчество И. С. Соколова-Микитова. Л., 1983 и др.*

⁴ *Абрамов Ф. А. Борис Шергин... С. 427, 428.*

1945

18 января

5 января
четверг.

Навечерие Святых Богоявлений.¹ «Часть моя на земле живых» (псалом).² «Земля живых» — сад.³ И праздники Господни — деревья благосеннолиственные, благословенноплодные. Не успели любоваться, накрасоваться под сению древа Рождества, а уж зовут из Вифлеема на Иордан. Тут древо процвете яблоки живодательные. Тут воды живы протекли.⁴

«Земля живых»... Древо древа краше. И все богатство наше неждиваемое: не истощаемые сокровища, сколько их ни держи. А се ты их и не знаешь...

...Праздник Святых Богоявлений, праздник Просвещения...

...Приникал ты к существу сих? Размышлял о сем и угоден Празднику? ...Близко не бывал... Тема велика и живописна: «Водам освящается естество».⁵ Воды... Живы оне.

Тема: «Явился еси днесь вселенней, и Свет Твой, Господи, знаменася на нас...» В Преображение к Свету приникаем и в Крещение о Свете сердце пост. Еще тема: «Троица явилась вкупе днесь».⁶ Ино не мне, таракану запечному, рассуждать о сем. Я все что-нибудь для себя выхватываю из песен-то. Люблю, как Христа Светом называют.

«Явился еси днесь вселенней и Свет Твой. Господи, знаменася на нас...» Христосе. Свете истинный, просвети лице Твое на ны.⁷

...Свете тихий⁸... Нет тебя любле, нет тебя краше, свете святый.

К человеку обращается религия*, а человек-от великой воз тащит хламу и мусору — изобретений прогресса и цивилизации. Не нужно вредными, гиблыми изобретениями порабошен, захламошен мозг человека. Вырожденческое изобретательство убийственно поражает человечество столь напрасно, жалко-скаречно ухищряющегося в изобретательствах. Надо бросать этот сумасшедший дом.

---

* Здесь и далее знаком * отмечены слова, при написании которых Б. В. Шергин использует «простую литорсю» — тайнопись, известную в рукописной традиции с XIV в. См.: *Сперанский М. Н.* Тайнопись в юго-славянских и русских памятниках письменности // *Энциклопедия славянской филологии.* Вып. 4. М.: АН СССР. 1929. С. 18—20; 56—57; 97—107.

10 февраля

Января 28
суббота.

Церковь — земля хлебородимая, плодородная. Если томится твоя душа в сем житии, желанием чудным полна, знай, — только Церковь утолит чудную оную тоску. Нету зимы в Церкви, но всегда лето благословенноплодное. Вот январь месяц круга церковного, бытия годичного. Точно нивами идешь золотыми, спеющими. Се поля Васильевы вседовольные,⁹ се Григорьевы хлеба вечнующие, се Иоанновы красуются нивы сладкие словес золотых. Январь месяц, а в Церкви живя, что лугами ароматносными ходишь. Тамо цветы Антония Великого, а тамо — Феодосия, здесь Ефрема Сирина луга благоуханные, а вот цветы Евфимьевы... Макария Египтянина. И философ Нисский, брат Васильев, и юный кушник Иоанн, и божественные Кирилл с Афанасием. Столпы Церкви и доброта ее.

В сем соборе зимне-январском, но жаркого паче солнца и паче огня и угля будни скарედные испепеляюшем, и от Святой Руси видим крины благие и вечные. Серафим Саровский, Феодосий Тотемский, Павел Обнорский, святитель Филипп. Ефрем Сиринок: нелоструйные источники слезные. Час предвидя суда, рыдал еси горько Ефреме,¹⁰ поет Церковь. И нас к плачу зовет Ефрем. Но выплаканные с Ефремом слезы всю муть житейскую унесут. Ефремовы слезы в нас золото чистое отмоют. Ах, сладкая радость на дне слез, с Сириным оным выплаканных. Ведь Ефремовой речью молимся мы,¹¹ сладкие оные сказывая словеса: «Господи. Владыко жизни моей! Дух праздности...» Ты и ныне молися о нас, звезда всемирная, превысочайшая.

14 февраля

Февраля 1го
среда.

Многоболезненное, нужное, расслабленное жите-бытие при-влачило меня к убежденью, что если еще возможен в горестном моем положении мир душевный и даже «радость неотымаемая»,¹² то только сам я подняв себя за волосы, могу затащить себя на эту прекрутую и претрудную гору. Видя, например, в тропарях святых,

что постоянно и благодарно величаются от нас святые как целители и врачи, как податели неисчетных благодеяний душе и телу, я думаю горестно: «Этот квас не про нас...»

15 февраля

*2-го февраля
четверг.*

От полноты чувств, от избытка сердца надо праздник-от прославить,¹³ светлым собором похвалить. А я как лягуша, в тине утопая, квакну дважды, уныло да через силу.. На что-то пыжится, убогая.

Некогда вся жизнь была преукрашена, нарядна и обрядна. Весь быт дышал поэзией и искусством, волшебство и сказка проникали ежедневный быт. Такова была древняя Русь. Таков был у нас еще и XVIII век. Сквозняк стандартной, механической, мертвящей цивилизации в XX веке выдул, выветрил, вызнобил из быта нарядный уклад, старинные красоты, аромат вековой домовитости, красоту традиций. Ныне все всё растеряли. Голые сидят на пусте месте: все равно чем от ветра загородиться, все равно каким лоскутом тело прикрыть. Кучами живут, как на вокзале жел.-дор.-узла. Все кучей в любом доме.

Какой тут обряд, старинная праздничность от дедов преданная... «Едим чужое, носим краденое». Из быта выветрилась всякая старая обрядность.

Между тем в церкви остается старинная сложная уставная обрядность: обстановка храма, многосложное чинопоследование богослужений. Входы, выходы, выносы, иконостасы, врата, завесы, огни, кадила, возглашения, древнеславянский язык, облачения священнослужителей.

Некогда древнерусский, скажем, человек, приходя в церковь, лишь переключался из одной красочно обрядливой обстановки в другую, более высокого стиля, из доморощенной цветистости отеческой избы в преукрашенность древнерусского храма.

Наш опустошенный быт совершенно утратил связь с чинами и обрядами церкви. У пожилых людей церковные службы, праздники еще связаны с милыми и дорогими воспоминаниями, скажем, детства. Но, вот, молодежи нашей церковные службы чужды и непонятны. Правда, многим нравится церковное пение (атавизм). Но многие ли идут глубже... Но это экскурс в сторону от темы.

...Ведь и для нас, стариков, литургия... совершается где-то там, далеко... Если храм закрыт, или далек, мы годами можем не быть у обедни.

Нельзя ли, как-то литургию внести в наш быт? Освятить его... Ведь литургия вечна; литургия на все времена. Она вне стилей, вне эпохи. В «Серебряном голубе» у Белого изображены какие-то сектанты,¹⁴ причащающиеся французской булкой. Тут есть драгоценное: проникновение таинства в жизнь, в быт. Бывали случаи, что таинство совершалось при произнесении священных формул и неосвященными людьми (дети).

Конечно, нельзя играть в таинство.

«Простые сердца», конечно, не смущаясь, вносят и в обстановку храма ужасающее обывательское безвкусице. Иная чтимая икона имеет вид галантерейного киоска: электрические лампы, замаскированные тюлевыми бордюриками, банты из стружек и т. п. Но — «чем богаты»... Главное: церковь и храм должны быть связаны с жизнью. На это бьют сектанты, собираясь в простой комнате за простым столом, покрытым белой скатертью.

17 февраля

*4 февраля
суббота*

Одно было, когда исторически-книжно осведомлен о какой-либо местности, хотя бы и славной и преименитой. Представление о крае, городе, обители живет в голове отвлеченно. Вот не мало читал я о Владимиро-Суздальской Руси. Карамзин, Ключевский, художественные описания памятников, фотографии. Знаком с художниками, побывавшими там.

Но, вот, работает у нас каменщик владимирский, печник. Его деревня меж городом Владимиром и Боголюбвым на р. Нерли. Каменщик любит рассказывать о своей родине. Там его дом, семья. Он рвется туда.

И, вот, под его рассказы открылись для меня дали в ту сторону, расступились горизонты... Дивная церковь на Нерли, Боголюб, собор во Владимире,¹⁵ уж не фотографии.

23 февраля

10 февраля
пятница

Февраля середка, а мороз прижал. В соседи за водой надо... А я чаял оттепелей. Но свету стало много.

26 февраля

13 февраля
понедельник

Мишуткину печурку сняв,¹⁶ добрый человек галанку на шведку нам переделал. Хоть на дрова шведка-та охоча, да краса чисто и тепло хранится. Не знаю, за что полюбил нас добрый человек. Работа тысячу стоит, а он только смеется да рукой отмахивается. Не на словах жизнь проводит, а делом людям пособляет: «Калоши у вас на меня глядят: туды-ди, тамо-ди, пойду бензину добуду, залью калоши-ти. — Пол у вас глиной я заляпал, завтра прибегу вымою... — Сетки на меня глядят из углов, да-ко я сниму...» Из худой кастрюли сделал нам «печку» — варит и жарит, знай лучинки подкладывай. Мало кто пострадал столько, сколько этот владимирский мужичок, каменщик, не по годам начавший болеть, а какую он сохранил ясность духа, мир душевный, беспредельное благожелательство к людям. Творя добро, такие люди других подвигают на добро. Вот крайность заставила нас продать пайковую крупу. А должник не несет денег. А у нас: — стужа, да нужда, да нет ей хуже. Брателко и бежит к должнику. А у того нетоплено и неготовлено. Зарабатывал электроплитками, теперь оне не идут. И болен лежит должник-от... Братец¹⁷ мне и говорит: — вот каменщик какое нам добро сделал, мы ли не потерпим на Кузьме-то. Давай снесем ему дровец...

Вчера было воскресенье мытаря и фарисея.¹⁸ Замечательно поет на сей день Церковь: «Фарисеева убежим высокоглаголения и мытареве научимся высоте глагол смиренных». Это мне на долгом моем носу зарубить надобно. Люблю слышать «дольней лозы прозябанье и горних ангелов полет».¹⁹ А по моей мере, насколько мне полезнее было бы научиться из глубины сердечной износить сие мытаревое: «Боже, милостив буди мне грешному».²⁰ Великим умом и опытом отцы-те беседуют: «Ежели видишь подвижника юного,²¹ ново-начального, уже возносящегося на небо, то ухвати его за пятку»...

Подвижнику иноку не полезно парить мыслию в превысочайшем, а о такой худой грязи, как я, что сказать...

Я вот месяцами не разговариваю, не вижу со многими старыми знакомцами по дому за их равнодушие к вере*, к Церкви*. Они голодают... А что же, им, голодным, за радость, что я знаю, когда какой праздник? Ведь я им и ста грамм хлеба не подал за двадцать-то лет... Вечный мне укор слово Христово: «Тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела и прославят Отца вашего иже на небесех»...²²

27 февраля

*14 февраля
вторник*

Святой Григорий рек: ежели ты не ожидаешь себе ничего трудного,²³ когда думаешь приступить к философии, то начало твое вовсе не философское, и я порицаю таких мечтателей. Если эта философия только еще ожидается, а не пришла на деле, то человеку бывает приятно. Если же она пришла к тебе, то, или терпи, страдая, или... будешь обманываться в ожидании (из Патерика).

Это значит, что ежели, скажем, инок стяжал какую-то меру, в чем-то преуспел, то он начинает терпеть свои страдания, нужду, скорбь, болезнь — радуясь... Но отнюдь это не значит, что вот взял на себя человек иго Христово, положил руку на рало,^{23a} пошел за Христом и воцарилось у него материальное благополучие и стал он физически здоров.

Се светное богатство не защита от скорбей, печалей, только богатство во Христе. Только в Боге богатеющий совершенно безопасен и избавлен от тоски, отчаяния (П(а)т(ерик)). Скорбь его дивно претворяется в радость.

Преходят дни, недели. Всякой день вижу в святцах имена мучеников, преподобных. Церковь сохранила, списала жития их пречудная, повелела нам читать эти жития на всякой день. То велика сокровищница. А я, вот, не приобрел за всю жизнь житий, не позаботился припасти себе оные ежедневные пречудные светила.

В Четых Минеях²⁴ предложены человечеству изображения жизней, характеров, чувств, поступков прекраснейших, единственных, несравнимых. Что было лучшего в человечестве, то изображено в Житиях. Дано сие нам на все времена. И более высокого

прекрасного не будет. Но мы не желаем всяк день любоваться сими драгоценностями. Мы предпочитаем ковыряться в мусоре, — современное чтиво.

1 марта

*16 февраля
четверг*

После морозов, столь поздних и болезненных для М(оскв)ы, снежок пал сутки, а сегодня что, думаю, за шум на дворе, а это с крыш каплет, где на полдень стена. А брателко сколько оживился, что весною пахнуло, друга столько обеспокоился: башмаки зашить, неможно мастера нажить. С водой бьемся, кругом по домам водопроводные трубы замерзли и лопнули. Снегом много ли намоешься! Руки как башмаки. Мы еще хоть потапливаем, а люди в когти дуют, сидят. Уж как я завидую пронырливым, ловким людям: они не допустят свои семьи до голода и нищеты, как я близких попущаю.

2 марта

*17 февраля
пятница*

Я себя повадил: я уж на том коне еду, что весны да Пасхи жду. Приятным люблю заниматься, верхоглядствую. Надо жить, чтобы всякой день в чести держать, с пользою, а я перескакиваю, не укрепляюсь ни на чем, не запасаю, не сею, а жатвы жду. «Близорок, — через шаньгу за пирог». На баснях время провожу. Оттого наг-то и хожу. И опять думается, — вот А. Толстой* помер,²⁵ как жил, какие миллионы оставил. А что взял с собою, кроме трупа? Впрочем я не знал, что это за человек был, может и помогал кому.

Брателко разогорчился вчера: у «власть имущих» по союзу* талон дровяной на 1/2 метра спросил. А писалка из Бердичева* отказала: «Какую ми имеем от него пользу?» Братец себя приругал: 40—50 р(ублей) талон-от на рынке стоит, а литфондовский* тачас в грязи вывалиет и в душу наплюет за ордер на тряпичные туфли, на носовой платок... На меня брателко-то потужил: «Последняя де грязь пархатая пяту на нас подымать смеет...» — «Братец, — гово-

рю, — иное и полем идешь, видишь кучу, не раздумывая, переступишь. — Куч-то много... — Плюй да переступай. Да все дальше».

Вот мое преуспеянье каково: от всякой вши без души. NN негодует: «Почему вы о лимите * не хлопчете? Всякое ничтожество имеет лимит*»! ...Просил, не дали... Растужусь иное, из-за семьи-то, хоть и невелика она... Противно: житуха-та лягает копытом (лимиты*, литеры*, и т. д. и т. п.)...Потом раздумался. Услышу как издали поет кто-то: горе-де имеем сердца!²⁶ Мне и стыдно станет. Охота припадет из низости-то подняться душою.²⁷

Зачитаю изусть Евангелие пасхальное²⁸: «Въ начале бе Слово... В том жизнь бо и жизнь ба светъ человекамъ. И свет во тьме ложится и тьма его не объять...». Масштабы-те мои и станут на свое место. Мусор соберется под порог, перестанет застить большой угол, где Лику Христову подобает быть.

...В ночи все снежок падал, с утра сегодня так светлооблачно. И тает. Капель с крыш. А переулочки все беленькие, трой сутки перепадывают снежки белы. В ночи все выскочу на улку: бело, тихо, сказочно в тишине. Того летом не бывает. Летом грязь глядит с земли. А в зиме белой, тихой, по облакам, по небесьям ведь ходим. С неба снеги-те.

В лете снимутся с города белые скатерти и опять замызганные уличники да пыльные площади. В зиму чисто дышать, в лете....

3 марта

*18 февраля
суббота*

Было время, шатаючись, на красивые лица зарился. Бывало... встретишь человека и как стрела отравленная падет в душу... Слава Богу: теперь иная красота и иначе запечатлевается.

...Мне иногда кажется, что я одинаково люблю и лесную дорожку и каменную сказку какого-нибудь ненарушенного с XVII века московского переулка. Ивановский переулок,²⁹ — нечаянная и новая радость. Площадка перед Ивановским монастырем хаотична: Мамай воевал. Прямо: какой-то эллинг меж двух башен псевдорусского «gotique». Слева на горе — обезглавленная церковь... Вправо уклон к Солянке. Влево опостен монастыря вьется тоже под гору переулочек... Сразу я попал в тридевятое государство. Слева, ежели идти вниз, старинные невысокие дома, узкие оконца...

Точно тут никто и не живет: ни души не встретил. Только много ворон сорвалось молча с долгого деревянного забора. Вправо тянется, опускаясь тяжелыми уступами вниз монастырская стена.

Безлюдье. Тишина. Белый переулочек. Золотисто-серые каменные уступы с горы. И прекрасное легкое, облачное небо... В каком я городе? В каком я веке? Узенькие лебяжки по уступам карниза. Снежно-лебяжные опушки придают тяжелому серо-золотистому камню нежность, праздничную нарядность. Старый город жив. Древняя мать М(оскв)а. Вот она где. Я думал — нет ее. Старые камни, белая улочка, серо-жемчужное небо. Тишина... Девица. Не умерла, но спит.³⁰

5 марта

*20 февраля
понедельник*

Четки бывают драгоценные, перламутровые, хризолитные; зерно — другого краше. Звенья переменяются молитвенно. Таковы дни Божии. На четках одно зерно крупнее и по нем рядовые. Применю к воскресению и седмице. Особливо проникновенно начинает молиться Церковь, дойдя по дням-четкам до недели мытаря, до воскресения блудного сына... Зима кротее, подходит пост — «жительство ангелов». Наступает март, — блистающий еще по Северной Руси снегами, но и гремящий уже ручьями. А до Великого поста — три воскресения предначинательных. В Церкви все строится красотой и в красоте. Чудною песнею, умиленною в слове и в музыке, одето воскресение блудного... «Объятия Отча отверзи ми потщися».³¹ Ее поют на пострижении. Как будто дни предначатия весны, дни тихих ночных капелей, дни тихой русской весны с проталинками, на которые прилетят жаворонки (2 нрзб.) постригают в чин ангельский, умилительными песнопениями располагает Церковь сердце человеческое к приятию подвига постнического, Триодь Постная,³² чаша светлой печали о Господе.

...Безумно удалился мир сей от славы дома Отчего. Во зло расточает силу творческую род человеческий. Отравую помрачен ум человека ныне и очумев, оступев, бредет за врагом, за губителем, за убийцами своими... Так болен мозг мира сего, так слаб и растлен, что как бы и не может быть вместилищем истинного разума. Но ...жив Господь! Иисусе, быстрота умная. Иисусе, память предвечная. Иисусе, светлость душевная. Иисусе, мудрость священная.³³

21 февраля
вторник

Братец вчера во втором часу ночи домой прилетел, уж часы ночной ходьбы вышли.³⁴ А иные, слышь, в подворотнях до 5 утра крылись с чеками. В пять брателко убежал по выдачу: «соль, спички, жиры, кондит(ерские) товары». А я Ивановским переулком шаркнул к Петру и Павлу.³⁵ Но уже стоял белый день. Слишком светло для сказки. Сильно белесый свет снега, сильно белесое небо. Шел мимо монастыря. Точно фото сегодня. А тогда была картина, полная тихого вдумчивого настроения ...Сегодня февральский зимний день — и все. Ультра-белесая оптика. Бывает, пойду пеш в церковь, дак запечатлеется, зерном похода явится не служба церковная, а дорога. Сегодня дорога была скорлупой, а зерном, пожалуй, обедня. Хотя на клиросе вместо хора притужно кричал дьячок да нежно аукала какая-то женщина... Но молитвенные огоньки лампад, тихие истовые возгласения старенького иерея. А убежал, не поспел звонко и чистоголосый дьякон возгласить: «Оглашенные, изыдите!»³⁶. Думаю: братишко придет, а чайник не готов. Да и башка замерзла.

О Тютчеве.

Я, вот, люблю примечать состояния природы, тона неба... Тут великая тонкость потребна. Для обывателя: — небо и небо. Зима и зима... Но поэт видит многое разнообразие. И я вижу, да определения у меня единообразны: — тихий, тихостный; умиленный, радостный... Да опять снова. У Тютчева удивительна тонкость, разнообразие, многообразие его определений и в картинах природы, и в том, какими словами он отмечает нюансы своих душевных, столь богатых переживаний. Поэт не лезет в словарь старинных словесных красот. Его краски и рисунок индивидуальны. Это акварели или тончайший мастерский рисунок карандашом.

...Цветущее блаженство мая...

Вяло свод небесный на землю тощую глядит...

...И торопливо, молчаливо / Ложится по долине тень.³⁷

Любовь к природе — начало многого добра. Ежели книга природы — любимое твое чтение, ты на благодарном пути. Приникая к красотам природы, увидишь тайну. Красивые «виды» природы заставляют подумать о Художнике, равно как и благоуханье малого цветочка. Пределы человеческой изобретательности — мертвенные машины. Но в том, что создано Богом: дерево, цветок — жизнь непостижимая, недомыслимая. От Бога хлеб; человек изобрел суррогаты. Труд человеческий — добро, но психозы изобретательности в разных отраслях промышленности привели к страшному злу. Цивилизация пожирает самое себя. Богоубийственная и человекоубийственная цивилизация отрывает людей от груди матери-природы, вместо материнского «млека и меда» отравляет людей, их тело и душу всякими ядами и ... бросает опустошенных и несчастных, бездомных.

Сейчас, живя посреди бедствий неисчислимых, посреди смертей многих, люди стали осатанелыми эгоистами. Рядом в квартире может умирать с голоду человек и никто не зайдет, не сунет корку хлеба, не даст полена дров. Ненавидят получающего, скажем, лимит, а лимитчик ненавидит и презирает каких-нибудь «иждивенцев». Добившись «лимита», превращает свой дом в крепость: кабы кто чего не попросил ...Живя «посреде смертей многих», посреди бед несказанных, люди не только не опомнились, не раздумались, не устрашились, не сокрушились сердцем — нет: преклонение перед успехами всеобщее и полное, кака бы мразь ни достигла успеха и какие бы средства для успеха ни были этой мразью употреблены. Успевших превозносят все. Неуспевших все презирают. Понятия: это — добро, а это — зло, это — смрад, а это — благоухание, это — свет, а это — тьма, — потеряны, потоптаны. «Надо жить — вон как люди живут», квартиру получили, лимит получили... И вот свалка, «абонемент есть», дак когтями, зубами исступленно начинают войну за лимит. Его не дают... «На заре, когда спящих разбудит петух, ты увидишь лежащих девять мертвых старух. Все в крови, с нами сила Господня».

Это в мартовскую «выдачу» в нашем магазине драка была до 3-го часа ночи. Администрация выгоняла публику, а милиция сторожила добычу..

— И от всего этого я теперь избавлена, говорит NN, раньше я как зверь была целую неделю, как начиналась «выдача». Теперь муж получил орден* — и мы имеем право получать паек через стол заказов. Наш день 19 число... Без драки... В этом месяце крупы даже не заменили картошкой, 2 кило получила... 7 коробок мясо-рыбо-консервы, гусалин, маргусалин по 200 гр., соемасло — 250 гр. Кило джутовых конфет... (или кунжутowych).

Эта дама обладает железным здоровьем. У нее муж с пайком... А масса интеллигентная кунжутные конфеты получит — да на рынок, продать поштучно. (Если милиция не арестует). Это называется «оборот». На «оборот» купят картошки. «Выдачу» («сладкое», «жиры») большинство продает для картошки. Так и колотятся. А у кого нет «абонементов», те... тем и хлопот меньше... День за днем... Ужо война* кончится, будет лучше... С какого же боку к этой вот, основной массе населения приступить, как напомнить измученным физическим голодом людям, что «не о хлебе едином жив будет человек»,³⁸ Проповедовать вправе лишь те, кто нищий свой паек «иждивенческий» делит с голодными. Я не делюсь ни с кем. Мое дело молчать.

Многие из этих намученных, намятых людей ожесточились, обиделись на Бога. — Молись, не молись, а жизнь своим чередом... Многие еще ходят в Церковь. Кино удовлетворяет духовные запросы не старше 20 лет. Но и стоя в церкви, измученные житухой люди раздраженно «реагируют» на всякий... толчок. Нет мира в душе... Сидят старухи вдоль стен. Одна говорит, — уж лучше помереть... — «С какой стати туда забираться раньше времени — вслух зашумела ее соседка... — Помер, спокоен теперь. Хорошо ему», — говорит женщина, глядя на усопшего, принесенного для отпевания. Стоявшая у гроба старуха громко забранилась: «Как так хорошо? Ему бы жить надо! Дети остались маленькие».

В давке кричат друг другу: «Сволочь, блядь, кот, котиха». Стоят зачастую злые, и все же стоят. «Злобою злобного мира озлобленные». Очевидно, знают, где врач. Боль врача ищет.

Наверное, есть в ⟨2 нрзб.⟩ и энтузиасты. Есть и масса — простые сердцем «святые пристани». Есть и разбирающиеся в церковных вопросах глубоко. Эти по поводу ⟨2 нрзб.⟩ думают: «Ладно, что хотя эти есть. А Бог даст и лучшие будут».

Но я опять произвожу учет верующих, дегустирую иерархии, ставлю диагнозы, назначаю лечение. А ведь это все не мое дело, не мое призвание. «Пусть ведают большие, у кого бороды пошире». (Хотя им больше нравятся эспаньолки).

— Что тебе, ты по Мне гряди, ³⁹ — говорит Всея твари Украситель. Пойду и увижу Его в ... весенних, клейких листочках, в первых подснежниках, в вербочках, в шуме вешних вод. В весеннем воскресении природы.

Один древний мудрец пришел за пушим умом в Афины. На портике храма прочел: «ΓΝΩΘΙ ΣΕΑΥΤΟΝ» — «познай самого себя». ⁴⁰ Ту же минуту мудрец пошел домой: — Этого совета хватит мне на всю жизнь. Святые отцы христианства учат: «Внимай себе». ⁴¹ «Восходите, братия, восходите», — зовет Лествичник. ⁴²

Подвиг надо понести. Возьми крест свой, говорит, и по Мне гряди. ⁴³ И не на стороне высматривай подвиг-от. Господь дал тебе иго благое и бремя легкое. ⁴⁴ Неси его благодарно и усердно, до кровей личностных. Благодарное это дело! Живучи в подвиге сем, страдалестен я, (а мне надо страдальчествовать до конца).

Очень уж светло, и помянутую книгу природы буду читать. Се Царство Божие на земле. Знаю, что неся крест болезни безропотно, получу и радость о сем.

11 марта

*26 февраля.
Воскресенье.
Мясопустное*

Иночествующим присоветовано избегать всего, что наводит искушения и соблазны. Я любил бы жизнь созерцательную, где ни то в тихом скиту. Но приходится жизнь трясти в житухином трамвае. Брателко спиной своей заслоняет меня от толчков и тычков, принимая трамвайную мятку на себя, чтоб я мог сидеть и любоваться в окошечко. Но и сидя за спиною братишки, я болезненно и горько переживаю его труд и болезнь ради меня. И это у меня как ночная зубная боль.

А и истинные иноки, есть же где-нибудь и сейчас такие, могут ли они на сем свете в наши дни искать упокоения?

Тоскливое смятение о моей неисправности, о брателковом нездоровии и нужде, что накат морской всякой день на душу новый камень положит. И много того камня, и плотно лежат они. Авва Антоний говорит: «Сам ты себя не помилуешь, дак и Бог тебя не помилует, и я не умолю». ⁴⁵ А как может Каин сам себя помиловать? — Авеля не убивать. И Каин добрее меня был, один раз брата

убил. А я всякой день не по силам брателку воз накладываю. И сам на том возу с погонялкой сижу.

Живя «в миру», сталкиваешься в людьми мнений враждебных в основном, в главном. Спорить б(ольшей) ч(астью) бесполезно и утомительно. К тому же безбожие (1 нрзб) свыше*, и воинствует. Приходят старые интеллигенты, они были атеистами еще в гимназии, еще с первых забастовок. Эти неодобрительно глядят на иконы в углу.. Приходит молодежь. Для них иконы, — музей. Они «принимают», что старикам трудно расстаться с какими-то мифами.

Тут мое мнение такое: я в ваш духовный мир не вмешиваюсь. Не навязываю вам и своего. Мало ли о чем можно поговорить. Напр(имер), об искусстве. И вот, где только соберется интеллигенция литературная, музыкальная, художническая, научная, артистическая, сейчас же обычное: читали последнюю книжку Когана*? Пьесу Шкловера смотрели? Но сразу же везде и всегда разговор идет о том, сколько этот рабинович получил и кто намечен в лауреаты*. Говорят, жадно глотая слюну, ругая, истерически завидуют: почему не я?

Обносившееся, изголодавшееся «общество», — старая интеллигенция давно бросила «все высокое, все прекрасное». Перестала презирать и фыркать на всю эту «папину» шпану и на тех, кто перед нею лакействует. Завидуют откровенно и жадно. Всё, чему поклонялись, «за два десятка лет снесено в антиквариат» к Голованову. Как звуки небес звучит слово «лимит». А о лауреате* что говорить: не всем же мечтать о царских коронах... Но есть счастливицы...

Ты, скажу, судишь? А сам не взял бы? — Еще как взял бы. Как бы мне радостно было близких моих, любимых одеть, обусть, накормить, полечить...

13 марта

28 февраля
вторник

Февраль прошел. Вот так «бокогрей». Только бы уши не отморозить. Я-то дома, а братцу досталось. В ночи вызвездит, а днем я не бывал на улице. Эту ползимы с картошкой живем. Брателко говорит:

— Ты в шутку мое слово не поворачивай. Тогда пришел край, не мог я встать, на базар итти, взмолился я с воплем крепким к Николе Скорому помощнику,⁴⁶ и уж который месяц, вдоволь у нас картошки.

— Брателко! Ради твоей веры, ради твоего подвига, гора подвигнуться может!

— А помнишь тот таи год... Чернело у меня в глазах, ходил я, держась за стены. Началось у меня белокровие. Тогда на Страстной обнесла меня дурнота у церкви, упал я на порог храма Божьего. И взмолился я тогда Богу. И смог отстоять 12 евангелий. И стало мне лучше да лучше. Разве не чудо? Разве можно забыть, не видеть здесь милости Божьей?

— Брателко, — я отвечаю, — сосчитана у Господа Бога каждая твоя слезинка. Если не на таких как ты, то на ком явится сила Божия. В твое чистое сердце, радуясь, глядится Господь. Брателко любимый, буди над тобою Божия милость пресвятая.

Хрупкий, болезненный, падая под непосильным бременем, везет брателко из года в год, изо дня в день воз труда, забот, хлопот дома и извне. Отдыхом считает он для себя домашнюю-то порядню. А я сгуляю в храм-от Божий, приду как зверь сердитый на людей, и на себя. И братишко из сил выпадет, картошку чистивши, да ⟨на⟩ терке тручи, да лепешки пекши... И дивлюсь я свету лица Христова, который знаменается во взгляде брата.

Недавно у парикмахерской поглядел я в уличное зеркало. Глазки-гляделки у меня беспокойные, не то заячьи, не то медвежьи, рожа как рукомойник. Зеркало души неказистое.

23 февраля память была старца. Назария игумена Валаамско-го⁴⁷ (скончался в 1809 году на своем пострижении в Сарове). Старообрядцы, сектанты, затем и все неверующие корят Церковь, что она-де омирщицалась, оказенилась за XVIII-XIX века. Но какие дивные, какие великие старцы были в Церкви в том же «французском» XVIII веке. Живая вода Православия открывалась и наполняла мир христианский чрез таких учителей иночества, как Паисий Величковский,⁴⁸ Назарий Валаамский и другие. Ведь во второй половине XVIII века взошла и сия пресветлейшая звезда неба церковного — Серафим Саровский. Упомянул я Назария, п(отому) ч(то) меня поразили слова одного из его писем: «Не знаю как Вы, — пишет он к одной монахине, — а я себя так чувствую, что перед всеми я должен и всем виноват».⁴⁹ Дивные речи, вложенные Достоевским в уста брата старца Зосимы, отсюда взяты...⁵⁰ Сладкие гроздья благословенноплодных лоз иночества XVIII, но и XIX века.

Скороспешно начинал тогда сеять тлетворные плевелы свои Враг в пшеницу Господню. Но презобиловала и благодать. Свет Сарова. Паисий и многочисленные, благодатные его ученики. Старцы оптинские...

Болезни неисцельные, нужда телесная естественно рождают во мне скорбь и неизбывную печаль. Слабая воля, слабый характер: — житишко мое опустившееся и распушенное делают то, что обязательная в жизни человеческой скорбь притупляет во мне зрение внутреннее и слух внутренний. А эти тайные, но важнейшие слух и зрение соглядаяют и слышат истинную реальность, единую на потребу, но не видимую «веком сим» и «миром сим».

Скорби и печали как распушенные, невпряженные, необузданные лошади бродят как попало, а не возделывают в сердце ниву, посев пшеницы Господней. Скорби и печали, как стрелы ночного стрелка не бесов, а ангелов поражают в сердце моем. Скорбь и печаль, как таран, метко и отчетливо должны бить в крепость лукавого, которую успеваешь возградить в душе слабой. А у меня таран скорбей и болезней дробит в душе не вражье, а Божье. Сверло скорбей, не умею я его на гнилой зуб направить, чтоб причину боли вычистить и зуб здоров сохранить. Боюсь я зубы гнилые свои лечить.

Уж как бы светло было, как бы любо, ежели б дивные очи сердца раскрылись и слух-от отверзся к яви, миру сокрытой.

14 марта

Месяца марта.

В 1-й день.

Среда.

В. Соловьев, отходя сего света, сказал: «Трудна-де работа Господня». А про Соловьева неложно сказал один католический епископ, что «...душа его... vere sancta est».⁵¹ Соловьев таланта не сокрыл, но паче умножил.

Ежели человеку столь окрыленному, к тому же не нуждающемуся в куске хлеба, трудно было взыскивать Град Божий, что же сказать о какой-нибудь жабе убогой, в яме под доскою сидящей, подслепым оком в оконную дыру взирающей, и о свете превысшем всех светлостей сипло, но неустанно поющей... Может по то жаба та и поет о свете, что под тротуаром, впотьмах пребывает. Жила бы в бельэтаже, небось, курвяга, спутала бы, что есть свет истинный просвещающий и что есть фукалка с ближней электростанции.

«Грешник, сидя во тьме и сени смертной, виде свет велик». Знаю, что есть свет. Знаю, что будет паводок милости Божьей, во-

дополье придет. Хлынет дождем Утешитель и уготованные ему на земле водоемы исполнит безмерно. Хлынет благодатная радость. Тогда только подставляй рот-от, глотай-знай, не залейся...

Ей, вернись. Жаба, сидящая под тротуаром уж чует благодатный ливень. Миру сему не под нужду и ни к чему, а жаба убогая и престащная, прячась под камень, чтоб не растоптали, хотя-нехотя высмотрела, изучила и где свет, и поняла, в чем счастье. И уж не так чтобы очень тужит о горьком своем убожестве. Забралась жаба нищая под камень, а тепериче росчухала ртастая, что камень сей небрегоша зиждущий, но, приходит время и уж кладут его во главу угла.⁵² И молит жаба: помяни мя Господи, егда приидеши во Царствии твоём.⁵³ Потерпех тя, Господи! Потерпе душа моя, по Тебе.

Брателко мечтал: сегодня никуда не пойду. А по воду надо. Плитка перегорела, к монтеру надо. Из 10 жильцов трое не хотят чинить водопровод, и их крепко уговаривать надо. Водопроводчика принимать, развлекать и крепко веселить, чтоб не плюнули, надо. Я этого ничего не умею и не люблю. Должен уметь и любить это все братец. Он и шубенку с утра до вечера не скинет. Вечером он отдыхает: готовит обед на завтра... Минька прибежал простуженный. Жалко мне его; где его прежняя веселость... За день я и в окно не сглянул. Ввечеру выскочил за ворота. Небо глянуло звездами. Стою в двери городовин, а чаша моя вводит меня во двери Господни. Сияет звездами темносинее небо, Церковь Славы Божией. Храм премудрости Божией, озаренный лампадами ближними ...дальними... Что там город, «уличное освещение»... Все стерялось в торжественности звездной первой весенней ночи. Зиждитель величается и хвалится, кажет величие свое и тем зовет нас. Не прячется от нас Творец, нет, — отверзает широко двери нерукотворенного прекрасного храма и зовет нас. Небо все сияет звездами. Торжественный мир, молчание еже над миром звучит больше всякой музыки.

Эта торжественная красота надмирная, зовущая нас, говорящая нам, обнимающая нас, увлекающая ум и сердце и есть «объятия Отчи», простертые над миром, готовые обнять человека. Коль прекрасен дом Отчий. Ночь в звездах, поле в цветах, — все это дом Отца нашего, сею красотой напоминает Благой Отец наш о себе, сею красотой зовет нас.

«В небесах торжественно и чудно».⁵⁴ И в сей же день первого весеннего месяца спустилось на землю тепло. Капель ударила с крыш сейгод в самую Евдокию.⁵⁵ Весна пришла! Сразу пожаловала. И эта песня капли в ночи, душу ласкающая и «звезды частые от

риз Божиих»⁵⁶ так дивно надмевали душу. Март пришел, в он же месяц и мир сей Бог сотвори, а Гавриил Благовещение Деве принесет — «благовествуй земля радость велию, хвалите небеса Божию славу».⁵⁷

15 марта

*2-го марта
четверг*

Улицы слило сегодня. (2 нрзб.) Старухи в булочной толковали, что сегодня грачи прилетают.⁵⁸ И как де на 40 мучеников жаворонков пекли, так сегодня пекли грачей. Иван Акимыч каменщик толковал сегодня, что птицу грех избидеть.

— У нас тамо-ди к Боголюбову поле с соседом и на меже ряд пречудных старых вязов. И тут грачиных гнезд неисчислимо. Из веков грач эти вязы избрал... И враг попутал, срубили мы с соседом эти вязы, разорили грачиные дома. И Господь меня за это наказал, за обиду Его творению. В-первых был и мой дом разорен.

(...Скотина видит невидимое человеку. Овцы вдруг во двор не идут. Станут в воротах, глядят на кого-то... Манишь их кусками — не идут. Но могут наладить знающие люди.)

Возле домов нельзя ходить: с крыш льет. Небеса облачные дали наводопели — туманисты.

Сегодня маме память⁵⁹ — умерший день. В месяце марте она родилась, в марте именинница, в марте и сего света отошла. И смерть светла о Господе. Свет умный, свет сердечный не отымал Господь.

16 марта

*Третьего марта
пятница*

И стеганку, и колпак с башки в комнате скинул. На улицах по льду мокро, скользко. Воробыши, чего они скачут, назему не вытаяло, ведь? Днем облачно. В ночи сегодня опять исповедали небеса Славу Божию. Ветер тянул; по двору со всех крыш переговаривались капли, а под углами дома, изливаясь в ледяные самодельные мисочки вода как в дудочки играла. И небесное паникадило, горящее всеми огнями. Тамо у Господа всегда праздник: всегда полиелей.

В день-от спую из угла в угол по домашности, да с людьми. А на сердце-то расположено: — Вот город-от утихнет, перестанет пучиться электрогляделками, тогда вылезу на волю слушать мартовскую ночь. Тихий говор капелей в ночи, будто читают книгу таинственную. Часа в 2 ночи украстись из дому, притулиться где ле, чтоб и небо-то видно, и капель-ту мартовскую слышно. Тут откроется сердечное тайное око, еже постигати тайну. Тайну эту ум человеческий постичь не может, только сердце сладко чувствует радость тайны. Дивные птицы райские поют в ночи, Сирин и Алконост. Всяк человек во плоти живя, не может слышати гласа ея. «Аще кому услышать случится, таковый от жития сего отлучится. Но не яко там он умирает, но вослед ея пад, душу предавает».⁶⁰

В таинственные предвесенние ночи, очищаемое скорбями сердце широко отвергает очи и слух. Тогда касается великой тайны вечной жизни — радости вечной. Это чувство непонимаемое, непостижимое, неопределяемое сознанием, рассудком и есть касание миров иных, касание бессмертия.

18 марта

*5 марта
воскресение
прощеное⁶¹*

В зиму, в Рожество снега нарядно, и как надо глядят с крыш, с карнизов, с заборов, с древесных сучьев, с дорог; снега лежат по дворам.

А перед масляной отойдут зимние наряды. Заведутся, волю возьмут вольные ветры из других углов, неморозные. С небес опустится март и снега жажнут. А они не умирают. Им весело разбегаться водами: капелями, ручьями, потеками. Вот слышу, они с крыш спешат: без числа маленькие ручки в ладошки плещут.

К вечерням подморозило, прояснило... Как бы сам стоит Зиждитель на Запад солнцу. В левой руке, долу опушенной, догорает вечерняя заря. Десница горе простерта над домами и в ней светло сияет месяц молодой. Меж дальнею зарею и горним месяцем как запона у ризы Господней светит звезда... Вот Зиждитель накрыл зорю ризою, а месяц остался сиять в небе и в синем смеркшем небе уж много звезд глядит.

Вчера володимерец наш добрый, посидев, прошался: — Простите меня Христа ради в чем досадил, не управил... По поклоне целовались. Уж очень светло это. Очищается прошею святой муть житухина. Из ила и тины на живую судоходную струю вековечные уставы выводят. Русь крешеная, ты еще жива! Простой, не книжный мужичек блюдет святой обычай, которым искони быт России освящался и озарялся.

Как бы мне хотелось в деревне март-от, апрель перебыть, чтобы во дни и в ночи таинственные перемены в природе соглядать. Как снега опадут, как воды из-под снегов побежат, как потоки с гор зашумят, ручейки залепечут, спеша в овраги. Овраги заиграют светлошумно. Я в городе что музыку капели с крыш расслушиваю. А на Руси в просторах ее, в тишине ночной что за музыка сладкая, — вешние воды, что за тишина почиет. Разве грачи, выющие гнезда, да как холмы поваytaют, — жаворонки нарушат тихость святых, постов — четырехдесятницу.

Клубы* ученых, художников, (писателей*) «календарный план» на неделю посылают. «Новые стихи, доклады, новые фильмы...» И се (писатели*) ходят поучаться, внимают всякому дурачью и жулью в клубах. А на Руси, между тем, настал Великий пост. Как обогашены, как утворены, как насыщены эти дни в быту.. С Алексия ч[еловека] Б[офия] 17 марта везде ручьи, говор вод, везде музыка эта откроется. Птица почнет вить гнезда. По деревням скворешники изладят. Под аккомпанемент великих вод благолепно идут «дни печальные Великого поста».⁶² Протяжные напевы, молитвы, исполненные неисчетным умилением. Сегодня в понедельник и по четверг четыре дня поет церковь Канон Великий.⁶³ Дивны сии напевы: «Помощник и покровитель».⁶⁴ Искони Русь плакала умиленно, внимая дивным проникновенным и животворным песням великого сего канона. Песни Великого поста, дивные речи святых, запечатлевались в сердцах и умах народа в течение тысячи лет. Вот на каких дрождах, из сырого теста человеческого, из хаоса дохристианского, догосударственного выходила и русская дежа. Вот на каких углях, вот в какой печи испекся русский хлеб, «Хлеб сладок Святые Троицы».

А уж без «Христос Воскресе» наш народ труп* разложившийся.

В тот же понедельник к Мефимону побрел,⁶⁵ чуть назад не вернулся. Я в одну, липова нога в другую сторону. Больно да и скользко: нет сил. У Ивановского монастыря с горки едва сполз. Средняя часть Ивановского переулка, — какая находка для художника. Как прост рисунок этого «исторического» пейзажа! Как изыскано проста линия уходящей вниз стены. Молчащая стена, за нею одиноко высящийся ренессансно стройно серый купол собора и так много русского, облачного неба над всем. Странно: переулок всегда пустынен. ...Еще не стемнело, когда я вышел от Петра-Павла. Всегда, остановясь, любуюсь этой церковкой. Она так чудесно и умело подана зодчим. В тесном заугольи, в переулочке строитель сумел преподнести свое создание так, что не налюбишься.

...Сегодня, спускаясь к воротам, глянул на запад. И вдруг сердце сладко и дивно поразилось: я очень давно, в детстве, видел, этот пейзаж: оледенелый скат с холма, обтаявшие и вновь присыпанные снегом сугробы, стройная ампириная колоколенка, увенчанная московской луковкой, странно белеющая на фоне свинцовой тучи. Подолок тучи как бы вышит нежнейшими розами — отсвет вечерней зари. Оттуда с запада тянет быстрый холодный ветер. В пейзаже какая-то унынность, редкая красота, что-то очень северное, непонятно поразившее меня. Тождество с чем-то давним дивит меня. Тот же был холодный ветер, и те же розы неба, таков же оледенелый холм и здание.

30 марта

*7 марта
вторник*

Ум интеллигенции зачастую по родителям направлен в сторону нецерковную. Помню ученические свои годы 905—914 — среди учащихся не принято было высказывать симпатии к церкви. Молодежь как бы стыдилась говорить о Христе... Впрочем, веяние Пасхи, Рождества — праздников, которыми жил весь народ в царское* время, эти веяния впечатлевались на всех слоях общества. Лишь сквозняк воинствующего* безбожия* выдул теплоту Христову у многих и многих. «Тяжкий млат, дробя стекло», выковал ли в ком «булат»?..⁶⁶

Да что там интеллигенция: у большинства теперь то что добро, то, что к славе, то что на пользу, то что радость доспевает, то чем только и живет душа человеческая, то что смысл дает неизбежным

в жизни скорбям и болезням, тем как раз небрегут люди, к тому и равнодушны. Да и про себя скажу, возраст ли, печаль ли виною? Отупело слушаю ирмос в церкви, то голова озябла, то места не приберу, то досада, что поют и читают худо, то заботы на уме. Тех ради слабостей уж и не можешь силу-ту великую и животворную божественных глаголов вместить: засорен ум до отказа пылью ничтожною всяких новостей политических *, литературных, бытом жалким. «Жить надо красиво и удобно», — проповедует знакомый художник, старый интеллигент.. А кто не сможет урвать себе комфорт и удобства квартирные, пайки, лимиты, те мыльте себе веревку. Удавная петля единственный исход для больных, гласят эти люди.

Отупел и я, ослаб и я, опустился и я, но знаю, что не это жизнь, не здесь русло жизни, не здесь свет. Хотя сюда и загнано стадо человеческое и мятется тут, но вся эта широкая арена, лишь тупик духовный, гнилая заводь в стороне от реки жизни, загон, каземат, волчья яма, куда, ослепший духовными очами, забрел род человеческий.

Истомленный, еле живой, как на каторге выгостившийся, выгребаясь я из сей всеобщей душевной, растленной казармы и —

«Ныне обнищавшее мое сердце не презри Спасе! Отеческие Славы Твоя удалился безумно! В злых расточил, еже ми предал еси богатство.

Согреших пред Тобой, объятия Отча отверзти ми потщися».

...Всемирная смерть: техническая лжекультура, проще сказать, растленная житуха манит тебя, человек, что собачку кусочком, лже-наукой, выхолощенным искусством, всякой самоубийственной техникой. И ты скачешь перед житухой задом и передом, глаз не сводишь с кусочка того, мнится тебе — он сладок. И забыл ты, человек, где дом Отчий, заблудясь, не видишь где зло, и где добро, где гибель, где спасение.

Чутье твое, собаченька, враг-от спортил. Куси, куси его! Чужой, чужой он. Хавати его, чтоб помнил, да дуй в подворотню дома Отчего! Истинно-от хозяин не даст в обиду..

Тропари Великого Канона, помню я, бывало, четт иерей в тон певаемым ирмосам,⁶⁷ четт с неким умиленным роспевом. Получалась музыкальная цельность. Сего на Мефимонах у Петра и Павла не было вполне.

...Удивительное все-таки было: Андрей Критянин,⁶⁸ поэт эллинистической эпохи... VI век. И вот в середине XX века, в России толпа народа в большинстве случаев простого, народа рабочего,

мастерового в течение двух предвесенних дней жизни теснятся, часами стоят, внимая чтению поэмы критского философа-поэта. И так слушает Русь эти поэмы из года в год уже тысячу лет. И внялась в них, напечатлела на сердце, вывела отсюда свои идеалы.

В наши дни упадка художественно-словесной культуры, в дни одичания языка, любопытно видеть толпы простых, плохо одетых женщин, тшщщихся понять, во всяком случае не пропустить ни одного слова, ни одного стиха и строфы. А ведь у Андрея Критского так много аллегорий античного порядка. Много и, хотя и самого высокого порядка, но... риторики. Это там, где поэт, напр(имер), призывает душу обозреть деяния библейских героев, деяния добрые и злые, и резюмирует: вот этому праведнику ты, душе, не подражала, а этому злодею поревновала.

И это частность. Неисчетного умиления исполнен кант. Слезы покаяния, слезы восторга, слезы любви, гнев праведный и орлиный полет молитвы, — все выкристаллизова(лось) в алмазе слова. Эту красоту художественного слова и глубину содержания и оценил русский народ.

(Во владимирских, в суздальских деревнях в чистый понедельник масленицу смывали. Молодые ребята пойдут по домам, где есть девицы — ухватят барышню и снегом ей лицо — ну мыть! Визгу, смеху — котора прячется, не дается, той и под подол снегу набыют...)

20 марта

*Марта 7-го
вторник
1-я седмица*

Боль врача ищет. Потому и копится в храмы народ, в частности, к слушанию Канона Великого, что на все времена указано здесь что добро и что зло, где свет и где тьма, что болезнь и что здоровье. Богоносный, богопросвещенный поэт раскрывает человеку его душу, объясняет человеку, откуда его несчастье и в чем. Как великий хирург и врач рассекает поэт-философ-учитель жизни вековечные раны души человеческой. И исцеляет дивною божественною целью. И как современен Андрей Критский! И чем дальше будет уродовать людей цивилизация, тем поэт из Крита будет нужнее и нужнее. Ныне человека превратили в винтик машины, в удобрение для сомнительного счастья грядущих родов. Чело-

век стал пылью самой будничной. И «с воплем крепким и со слезами» зовет Андрей, как бы с нами в XX веке живя и с нами валяясь в прахе будней и злыдней — Ты, Творче мой, создал меня, чтоб я унаследовал престол Славы, престол Царства, а я валяюсь на гноище. Ты уготовил мне царственные ризы, а я тащу на себе нищенское, смрадное рубище...

21 марта

*8 марта
Среда*

— Не говееете, дак что же каждый-то день в церковь ходить?

— Вчера на этих, как их, нефимонах были, дак сегодня то что же? Ведь все одно и то же, одно и то же в церкви-та...

.....

Это отношение, восприятие служб церковных не ново. Таких «православных» было много. Они знали, что, напр(имер), принято, надо «говеть» в Вел(икий) пост. Что поется, что читается за службами, это сих говельщиков не касалось. Они считали себя обязанными отстаивать добросовестно долгие службы, а уж вникать там во что-то: — Мы в монахи не собираемся... Этому не обучались...

Бывает положительное в этом русском «отстаивании» долгих служб, особливо монастырских. Стоят часами, преют, томятся на кафизмах... И это подвиг! Придут домой просветленные: — Бог милости послал!... Уж как жарко было!... Куда там перекреститься, вздохнуть никак было... Уж так харашо... Слава Богу.. «Теснота у праздника»...

Эти любители праздничных служб, где-нибудь «у праздника», есть та же «Святая Русь». Начал я говорить о тех, кои ходили в церковь раз в году к заутрене, бывали у знакомых на панихидах (потому и не выносят ладана). В наши дни эти «крещеные» без остатка забыли даже настроения заутрени, тем более надо куда-то далеко ездить... У этих житуха выдула все сквознячком своим.

И еще говорят: — В церковь зайдешь: все одно и то же, одно и то же. Все те же «паки-паки» да «Господи помилуй» 40 р(аз).

...Мне кажется: эти люди так же не могут любить природу. Они чувствуют смену зимы только потому, что летом не надо трать дров. Перемены в весне, переход к осени этим людям ни к чему. А уж о том, чтобы примечать, когда цветут какие деревья, как луга и поля сменяют цветами, какие птички когда поют, ка-

кие облака бывают в октябре и какое небо в апреле, это все равнодушные, пустые, будничные до дна люди презируют, эти пустяки для них не существуют. Не существует для них поэзия, ясно что и в церкви, хотя со стороны внешней, для них «всегда одно и то же». Кроме насморка ничего эти люди не находят ни в марте, ни в апреле.

— Что ж хорошего в марте и апреле? Деревья абсолютно голые. Под ногами сырость...

...Я, вот, вчера шел от Мефимона, и все дивился вечерней прозрачности неба и тому сколь высоко, в самом зените купола небесного стоит серп молодого месяца.

Над самым верхом церковным первомесiac-от сиял. Дак и над всем городом. Остановлюсь нос утереть (у службы голова назябла) и все на Божий месiac мартовский дивлюся. Я может за тем к «мефимону» хожу.

22 марта

9 марта

Вот и мучеников светла и прелюбезная четыредесятница. Все думалось в зиму-ту: придут 40 мучеников, то и весна пойдет. Миша вчера говорит: — На лыжах гоняли, я высматривал проталинки, куда жаворонку сесть. Не видать проталинки весенней.

...Брателка на рассвете кашель опять одолевает, с мокрыми ногами день-от бродит. Сегодня и я руку с одра своего не могу за пирамидоном протянуть. Лбом прижмусь к стенке каменной, холодит, дак и легче... И охать, и рехать совестно. Братишко долго кашлял, пускай де уснет часок. Но он и во сне слышит: чуть я квокну, скрипну своим сундуком, печальник мой сопеть перестанет, спящий расслушивает... Ежели я равномерно дышу, брат продолжает спать. Но сразу почувствует, если я хоть и молча сижу в моем углу, а не лежу. Шепотком, (чтоб на всякий случай не разбудить), спросит — ...спишь?

...Брателко, я говорю, не тужи ты о моих напастях. Про прежних людей сказано, что есть жизнь человеческая. 70 лет, или 80, а дальше труд и болезнь. В наши дни, заместо 70—80 лет, поставим 40—50, а дальше труд и болезнь. Каковы веки, таковы и человеки. Наокруг молодежь войною перенята, перетоптана, без ног, без рук. Иные, опять, с чахотками, с язвами, с пороками сердечными. А то, вон, с почками, те, и не старые, а склероз общий... Брателко, мно-

го ли здоровых-то? Все в болезнях, в печалях, в вздыханиях... Брателко, свет мой, не тужи. Кто в наши дни весел скачет, того Бог забыл.

Будем соглядать ныне Христа, Бога нашего, и того распятого.

.....

Сегодня лужа за окном светит, небо в ней отразилось. Вчера бредучи от навечерни, гадал — к теплу ли, к холоду туск на город опустился. С утра-то, еще окна не раскутаны и башка тошнотно скована, а любо сознаньем уловлять грай вороний и крик галичий и чириканье воробьев.

Снега опустилися, скоро побегут ручьи. В эти дни плачет над миром и над человеком отче Андрее, пастырю Критский. Плачет как Мария и Марфа над Лазарем.⁶⁹

И дождь и снег заледенелые-те «семь холмов»⁷⁰ моют сегодня. Туман. Скажи: ноябрь... Нет уж: тепло холода борет, а не холод на тепло одолевает. Что годов сорок назад учил стишки, все уж вспомнишь: ...птичка-та...села и запела: как ты март ни хмурься, все весною пахнет.⁷¹

У службы как неграмотный ухом ловлю слова-те Канона Великого. Нет дома книг.. Годы те и беды те мучат, да уму учат. Уж не «настроения» великопостные художнически ловишь, (сие на песке здание), а диагноз болезни своей от врача пречудного и авторитетнейшего приемлешь, купно с сим и несомненный, и вернейший, и благодатный способ исцеления. Ниц лежит великий отец наш, певец канона, ниц лежит, повергся к ногам Иисусовым, и рыдает, и молит о всех людях и о каждом человеке. И нас зовет, в наши убогие уста свои дивные, умилительные речи влагает.

Помню я, — красоты слога и стиля в сем произведении средневековой византийской литературы я искал. Теперь, слушая, знал, эта книга, — лочия для всех нас, житейским морем плывущих. Канон Великий — лечебник, богоносным врачом душ и телес составленный; и умилительный, высокой поэзии исполненный. Се есть врачество Иисусово.

«Елицы во Христа креститесь, во Христа облекостесь».⁷² Сораспнемся Христу, сопогребемся Христу и со Христом воскреснем.⁷³ Тогда «слезы людские неутолимые, неисчислимые, льющиеся как дожди осенние»⁷⁴ — ненастные, тогда горькие, полынные сии ручьи слез претворятся в реки умиления, падающие в безбрежное море радости о Христе Господе.

...Зеницы ока сердечного, глаголет врач, слезами покаяния омой и увидишь свет вечный. «Господи, я драхма погибшая, найди во мне образ Свой». ⁷⁵

...Поет хор слепых. Канон поют стройно. Тропарь «Душе моя» поют сильно. ⁷⁶

Лик слепых поет за народ. Предстательствует за нас. Моленые их, обездоленных, дохоже к Богу.

23 марта

*10 марта
пятница.*

Бог все исполняет.⁷⁷ Пребывание Его, везде сущего и вся исполняющего подобно благоуханию цветка, растворенному в воздухе... Одни ищут сего благоухания и наслаждаются им. Другие сего благоухания не слышат. (По свидетельству мед. статистики, количество людей, лишенных обоняния, велико).

Не слышат благоухания и негодуют на обоняющих запах любимого цветка. Ведь запах невидим, неосязаем. Значит его нет для безносых. Наша сифилизация лишила носа многих.

24 марта

*11 марта
суббота.*

Не только в деловых отношениях, с посторонними, но и у себя в семьях живут люди как кошки с собаками. На стороне-то еще сдерживаются, а уж дома... Голодно, холодно, босо, наго у всех... Сердце-то кипит на сытых, на ловких, на тех, что к пирогу-то присоседился, сердце рвется в куски, а раздражение на близких вымещается. Зинка, Маруська с работы придут и ну ребят дуть. У интеллигентов-педагогов (набрано у каждого по 10—13 часов в день) ежевечерние истерики у него, и у нее. Одиночки интеллигенты нашего дома, уже старые, много лет дружившие, еле кланяются, годами не бывают друг у друга. Я как-то шутками говорю одному:

— Пушкин, человек светский, воспитания светского, человек молодой, своим разумом нащупал корни древа жизни, ветви и листья которого зачахли, перестали видаться в образованном обществе, но корни, по существу бессмертные, живы и действительны были в народной вере...

— Пушкин???

— Да. Он знал, где аптека помогающая, единственно пользующая в осложненных и многотрудных отношениях людей меж собою. Пушкин в чудных стихах изложил молитву,⁷⁸ во все времена «священник повторяет во дни печальные великого поста». Это: «Господи, Владыко жизни моей...»

— Мало ли каким настроениям мог поддаваться поэт...

— Нет. Это не было минутным настроением. В сложном мироощущении Пушкина чувство религиозное было как подземный, скрытый, но живой ключ... Так вот, в помянутой молитве Ефрема Сирина есть слова:

— Ей, Господи Царю, даждь ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего...

— О, Боже! Начали за здравие, кончили за упокой. Начали Пушкиным, кончили нянькой Агафьей. Неужели Вам не скучно и все-рвез вы повторяете все эти допотопные истины, всю эту прописную наивную мораль... Вот у жены брат, молокосос. У мальчишки скверный характер. Приходит из команды. История с комсоставом, издевательства товарищей. Настроения свои и раздражения на всех и вся тащит домой. Дерзит, грубит... Что ж, поощрять, допускать некорректное отношение?... Или, вот, — дражайший тещь... Приходит с ночевки, мешает работать, от него пахнет лекарствами, ночью он кашляет, на все обижается, лезет с советами, берет в долг и не отдает... Жена его жалеет — он де приходит со своим хлебом... 300 грамм!... Или соседи по квартире. Лимит у них 3 гектауатта. А жгут плитку! Накрывали их два раза. «У меня дети. Вы сами жжете день и ночь». — «У меня, говорю, лимит научного работника, тридцать гектауатт...» — Знаю, что жжет плитку и эта спекулянтка из третьего номера... А счетчик общий! Штраф платим все, и я, и я с моим лимитом! В прошлом году погасили за пережог всех. Соседи воруют у меня дрова... Что же; я буду «зрети моя прегрешения», а вы садитесь мне на шею...

— Вот вы говорите, у брата жены трудный характер... Посторонние его не шадят. Вы, как известно, воспитывали его с детства. Думается, жалеете его. Кроме вас, кто еще пожалеет с его характером. Не в казармах же... Если казарма не может примирять в себе «дух терпения и любви», то всяк человек в своем сердце может...

— Оставьте! Старо, скучно, пахнет семинарскими шами и старушечьими шамками. Нужна воспитанность, корректность и джентельменство!..

— Преже брюзжащее равнодушие к «прописным истинам» церковным ползало каракатицей в тине и иле заводей житейского моря. Там же где прятался, караулил свое время и страшный спрут-осьминог богоненавистничества и убожество духовное ныне получило все права гражданства. Воинствующее безбожие* люто гонит тьму. Равнодушие к теме ни в тих ни в сих. «Двух станов не боец, а только гость случайный».⁷⁹ Равнодушного, холодного к вере и Церкви человека может шокировать богохульство. Холодные к Церкви люди иногда коллекционируют напр(имер), иконы. Живущие вне Церкви и веры люди могут быть честны, что называется «порядочны» в житейских отношениях. «Долг» может заставить их терпеть бедных родственников, помогать бедному соседу. Моя знакомая пожилая девица, бывшая бестужевка, работала ряд лет сестрою милосердия. При полном религиозном нигилизме (стиль 60-х годов) она душевно мягкий человек. Ее назначили к умирающим. Она внушала, что никакой будущей жизни нет.

— Вам сейчас больно, страшно, вы жалуете, товарищ, детей, жену, мать. Это все моментально оборвется. Вы перестанете страдать и т.п. Эта особа баюкала умирающих.

Эта сестра милосердия самоотверженно могла сидеть у одра больных, которые ей нравились, внимали ей. Но грубости она не терпела. Прощала, но сторонилась.

Иногда видишь такого человека, улыбающегося на вопросы веры, но филантропа и думаешь: сердце-то у тебя родилось в христианстве. А мозг-от подбирал крупички, падающие от скаредной шамовки безбожников. Не вина, дак беда твоя тут.

Часто тут беда, а не вина. Как убедишь человека без носа, что луг, по которому мы идем, благоухает. Человек, лишенный юмора, с недоумением смотрит на смеющихся по поводу анекдота. Лишенный поэтического чувства никогда не поймет, для чего нужен Пушкин, Тютчев, любой лирик. Та(к) и в рассуждении о Боге.

26 марта

*13 марта
понедельник*

В сердце-то своем веру не часом сбудишь. Как печь, полну золы, сырыми дровами не скоро взбудишь. И Бога «внутри себя» не скоро узришь. Очи мысленные, очи сердечные доспеть, — подвиг ве-

лик. А ты природу люби. С этого зачни. (Ин путь велик: — человека желей, любить зачни человека).

Ежели у тебя измятого да замученного, сейчас для людей-то как бы и сил нет, ты приинкни к природе. В ней Бог разлит. Природой и внешнее, телесное наше око может любоваться. Природа велико лекарство на скорби. Вино и елей на раны... Вот опять братишечка моего прибило к постели простудой. Я перед рассветом проснусь, он по долгом кашле дух переводит. Я пореву малость, башку заокутав. Он уснет, я подлезу к окну. Рассвет... Небо водяного цвета отразилось в простертой к моему окну подошедшей луже. И забор, что напротив, и деревья в воду глядят... Тихо, безлюдно. Небу, водам, деревьям и мне никто не мешает меж себя поговорить. Небо с водами, земля с деревьями, рассвет, — они все в тишине великой и положат мне на сердце тайное слово.

Сунусь в ночи к оконцу, а мне, нищему, оттуда рубль бесценный в руку.

27 марта

*14 марта
вторник*

Адов везувий, пепел мертвящий, все поедающий, все иссушающий, давно уж извергает на жизнь человеческую. Из сознания, ума, из сердца человеческого пепел мертвый, всякое живое вздыханье, всякую живую взыскующую Бога мысль, всякое горнее стремление, всякое искание вечной красоты, — все истинно живое, живоначалное, — все это иссушает в людях мертвая, растленная, inferнальная по существу житуха века сего. В первую очередь съедает эта проклятая засуха живое стремление у молодежи. Молодежь ведь наиболее беззащитна. Сердце раскрыто, ум неопытен. Универсальная натодельная пыль из года в год осаждается на молодых умах. И ничего в результате, кроме кино* молодые не знают. Все острижено под гребенку, все посылаю мертвящим ипритом безбожия, равнодушия к вопросам самым важным, самым нужным. Эта масса не имеет данных, чтоб в будущем, и при благоприятных обстоятельствах, обратиться к религии. Конечно: «Дух дышит, где хочет».⁸⁰ Сердце человеческое будет искать Бога и правду, но уж не будет того, как было — русские все православные, французы — католики. Среди русских будет много православных, но не вся нация. Многие будут безразличны к вере.

(Я вижу Бога в природе... Думаю — тужу — но мне нужна среда. Книги — живые люди.)

Для кого же работает или должна работать и нужна ли работа в области религиозной мысли?

Мир сей во зле давно лежит. Избрал сие самовольно и самоохотно. Отсюда и власть над миром сим и веком сим похабной, скаредной, ничтожной, сырой, будничной, мертвой житухи. Житуха и впредь будет давать человеку камень вместо хлеба, змею вместо рыбы. Но значит ли это, что чистый хлеб пшеничный должен потребиться на земле (?).

Свет во тьме будет светить,⁸¹ тьма не угасит его. Окаменил враг сердца людей. Господь и из камня изведет чад Церкви.⁸² Пусть будет два да три — Христос посреде нас.⁸³ Где велико стадо — то антихристово. Руды вороха, злато крупичами, но что дороже? Пускай будет верных малое стадо. Они соль земли, они свет миру! И сила Божия одолеет зло мира сего.

28 марта

*15 марта
Среда
2-ой седмицы
В(еликого) поста*

На дворе-то солнце, ручьи, воробьи шумят. А мрачность какая-то на сердце: думаешь: то не мое. И причина все одна у меня: нужда во всем, бедность, а я плохой работник. Требуется, чтоб я мусор, труху, сор вырабатывал, ерзац всякой да суррогат поставлял. А у меня, ведь, годы далёко, здоровье на убыли. Ответ дам... Тошно мне чепуху-ту от младости до старости людям сказывать. Напротивело мне что ярмарочному деду паясничать.

Людам нужен хлеб, а я картонажами, хлопущками торгую... Сказки да побаски... Докуда оне?! Невесело зубоскалить. «Шутить и век шутить... Как вас на это станет?..»⁸⁴

Говорят: все чего-то выдумывает сидит... — Думушка моя соборная о том, что «едино есть на потребу». Природа чистая, напоена, исполнена пребыванием Бога, разлитого во всем. Поэтому «На груди благой природы все, что дышит — радость пьет».⁸⁵ Святые, отрешившись от удовольствия и плотских радостей, убежав веселия мира сего, обрели эту единственную, надежную, неотымаемую, неизживаемую радость. Святые видели природу зрением прояснив-

шимся, зрением чистым. Отсюда церковное: «радуйтесь»,⁸⁶ с которым мы всегда обращаемся к святым.

Старец Амвросий Оптинский,⁸⁷ еще будучи малышом, слышал, что ручей журчит явно выпевая: «Хвалите Бога, любите Бога!» Преподобному Серафиму сосны Сарова шумели: «радуйся». И старец Серафим с тем же словом обращался к людям:

— Радуйтесь!

Дивная жизнь живет в мире. «Воскресе Христос, и жизнь живет во всем мире». Век сей, глядя, не видит этой жизни.

Вот где хочу я учинить мое сердце. Хочу «очистить чувства и узреть Христа и „радуйся“ от него услышать...»

Надо общаться с единомысленными. «Брат от брата помогает яко град тверд». «А одному и у каши не споро».⁸⁸ И в теперешней моей ничтожности, нельзя мне тужить о будущем человечества. Не растеряй того, что есть в твоей нищей суме.

29 марта

*16 марта
четверг*

Алексей-с гор вода.⁸⁹ Истинно сегодня и с гор, и с крыш, так и моет город-от. Вчера ночью на вешние грязи снег пал. Пречудно так всю ночь до свету лежал как праздничная скатерть. В остатный раз горницу белым зима убрала. Утре тротуары смокли, отемнели; а там и дорогу омыло.

А я наслушался сегодня вешних-то вод. Пошел к вечерне, и к Ивановскому монастырю. Бегут с горы три ручья. Переливный, веселый, светлый шум. Слышишь в шуме вешнего потока как бы дальние рукоплескания, и бесчисленные детские голоса... Льет с крыш на асфальты, — это шумовой оркестр. А ручьи с гор, — это симфония, богатая мелодикой.

Ночной-то снег туманами взялся над городом. К вечеру дождем стал садиться. А любо так, сходил хоть к величанью.⁹⁰ Будто для святого светлого потрудился. Лик прекрасный Божьего человека будто нес с собой. Из любимых этот день у меня. Все родину вспомню. Сиянье солнца, белизна снегов, сосули с крыш, бриллиантовые капли, в день; тает в полдни. Дни станут длинные...

Дороги навозом возьмутся.

30 марта, 31 марта

17 марта

пятник

18 марта

суббота

С утра-то и вчера и сегодня немогута-лихота долу клонит. В зиму «к снегу». Теперь, знать, к дождю. Свои-то глазишка не глядели бы на свет. Да братишко кашлем извелся... А кто и забежит, — все с печалью. Р. накоротки приступают, долг требуют старый. Забыла А. Д. как «часто езжала, подолгу гостила», без подарков не отпускали. Старая хлеб-соль забывается. И о сем до zde.

Март-от месяц я все помню, кабыть со снегом, солнца блеск во дни, облака барашками. Сей год он облачен, туманист, с дождем. А зима была не порато снежна.

Вчера, поди-ко, и единого поклона празднику, Алексею человеку Божию, не положил. И о том печаль брала за сердце. К ночи выскочил на улицу. Уж нигде снежинки не белеет. Грязь да лед, да вода. Небо облачное еле блазнит. Весна пришла. Сердце, полное печали из комнатенки на улицу-ту вынесешь: Сыне-де Божий, поговори-ко ты со мною, печаль мою Тебе возведу. Свете мой Христе, надежда моя Иисусе! Перед миром сим я как обезьяна в бубенчиках приплясываю, а к Твоим бы ногам охота припасть! О, Владыко тихий, Владыко кроткий, незаходимое сияние Отчее! Красота Пресветлая, милосте бесконечная...

1 апреля

19 марта

воскресенье

Чуть где пообсохли мостки всюду, ребята углем и мелом исчертили. Пустынен был Ивановский переулочок, сегодня на пригреве ребят, что воробьев.

Над старою стеною и крышами монастыря сегодня небо с сильно притертыми облаками. Думаешь: дождями теплыми беременно небо.

В раме березовых веток ненаглядный уголок старого города. Веточки на березках уж с «огурчиками». У вечерни и у акафиста Страстям⁹¹ любо я постоял сегодня.

3 апреля

21 марта
вторник

Вест силен, вчера с дождем. Так и сгоняет и лед, и снег. Сказывали, что в Хотькове⁹² уж в феврале водные те жилы посинели, март-от деревней ходят со станции: негде долиной... Как бы я поглядел Пажу⁹³ мою... «Гонимы вешними лучами».⁹⁴

...А тут я в наследье Соломонида Ивановны⁹⁵ несколько достославных книг получил, вкупе и свои четьи за март-май. Обретох радуйся.

5 апреля

23 марта
четверг

Подходит день благоуханный, день света, день радостный. Букет белых лилий и роз готовит небо земле. И по земле уж слышится небесное лилейное благоуханье, и земля уж знает и ждет... Сегодня еще говеет Архангел, не смея ступить за порог... Говеет Дева, опустив очи в книгу пророчеств... Говеет и вселенная... Но тихостью объята земля. Но уж слышен шелест архангеловых крил. Уж готово разверзться небо... Свет хлынет оттуда. Благовест радости великой пронесется по земле, восхвалят небеса Божию славу.

...Благовещение сходит на землю... Как будто в закоптелую, душную, заколоченную комнату врывается струя вешнего воздуха и вносится целый сноп благоухающих цветов. Благовещение — будто в казармах века сего вземлится низкий, черный, давящий потолок и мир сей, по будням затасканный, видит лазурное весеннее небо, слышит пение птиц. Благовещение: отекающее водяничное лицо свое мир сей, грешный, несчастный, подымает к небу, слушает забытые слова: — Радуйся, Обрадованная, радуйся, Благодатная...⁹⁶ Свирель ли то пастуха доносится с просыхающих полей, или гусли ангелов... Днесь небо являет земле вечную тайну.

Праздник Благовещения... Все здесь трепет, все весна, все радость и предначатие радости... Умолкает лязг, визг, грохот мира сего, превращенного житухую, змеею подколодную, в гараж... Не слышим бензинной вони, мнящейся разлиться в масштабах планетарных. Днесь весна благоухает, черный гараж превратился в горницу

уготованную. Поля подступили к ней, бескрайние. Беспределен купол Храма нерукотворенного. И мир сей — Церковь Господня. И вечную тайну благовествует Земле Архангел.

6 апреля

24 марта
пятница

Праздник вечен. И чины богослужебные уставлены на веки: — пение, чтение, изъясняющие силу и угоды праздника. Но у каждого человека, допустим, что и у каждой эпохи свой вкус, свои способности, свой стиль. И празднуя святой день, подклоняя голову под венец дня праздничного, свое может любить в нем тот или другой народ, тот или другой человек. Сквозняками выдуло из нас силу и способность чувствовать день Господень. Но еще остался нежный аромат, осталась любовь, например, к Благовещению. Мы понимаем, что не Праздник побледнел, не праздник умалился, а мы ослабили сердцем и умом, мы — вылиняли, упали, обескрылили. (А. Критский умиляется о Троице — проста-де.) Светлая гора праздника все та же, это у нас украл враг наш лучшие и нужнейшие силы наши: непосильна нам гора-та, высока порато.

Благовещение... Сколько волей, другастолько неволей вылили мы из сосуда жизни нашей драгоценное миро праздника. Но аромат мира не утратился, осталось нежное благоухание. А давно ли великим грехом было задеть работу в этот день: «Птица-де гнезда не вьет». ⁹⁷ «На волю птичку выпускали при светлом празднике весны». ⁹⁸

...Выйдешь в поле сегодня: голубое небо, ветер весенний гонит воды. Вешними водами, что глядит Земля в Небо. — «Благовествуй, земле, радость велию; хвалите небеса Божию славу»... Мы и сами не сознаем, что нам здесь так любо и так сладко. Вешние ли проталины, шумящие ли воды, вербные ли барашки, грач ли что, ведь сегодня Благовещение». И кому поет сердце: «Радуйся, Обрадованная, Господь с Тобою...» Марии благодатной или земле обрадованной.

...Всяка, говорю, эпоха и человек свое любит, свое выбирает в празднике. (Прав ли он, или не прав?..)

Я сегодня улучил часок; в четье-минее (издание конца XVIII века, — Киевской печати) чел «Слово на Благовещение»⁹⁹. Не в том

дело, что печать слепая и глаза слепые, а в том дело, что первое основное «Слово» оборудовано весьма тяжело и громоздко. Всякая деталь оговорена ссылкой на такого-то и такого-то историка. Дамаскин и другие творцы канонов, стихир не боялись поэтического предания, легенд. В богослужении, в каноне эта поэзия легенд о празднике благоухает как цветы, сияет как жемчужная риза праздничной иконы...

Поэты — Дамаскин,¹⁰⁰ Иосиф,¹⁰¹ вдохновленные темой своей поэмы, в творческом своем порыве охапками хватают цветы поэтических преданий, хранящихся не в писании, а в устах верующих. И этим цветом украшают песнь святую, не оглядываясь опасно по сторонам. Тут же историко-географические справки. (Помню в Слове на праздник Введения целый архитектурный трактат о храме Иерусалимском...) Совсем научный трактат лютеранского богослова (с их скрупулезной тщательностью в источниках-справочниках). Компиляторы — авторы этой редакции «Слова» как бы боятся брать на себя поэтическую образность, которою так богаты древние торжественники (Беседа Сафаофа с Гавриилом. Пространная беседа Марии и Гавриила). И вот компилятор ссылается на «Кедрина», Вальсамона, Амвросия и т.д. Ученость «редактора» XVIII века бывает наивной, очаровательной.

Иной характер, цельный и живой, носит второе слово Киевских четь-миней о Благовещении. Слово Златоустого.¹⁰² Первая страница, эти бесконечные повторения. «...Послан бысть Гавриил»... истинная музыка. Это рокот античной кифары с одним и тем же начальным переливом струн: «В месяц шестый послан бысть Гавриил...»

Нам, любящим легкие настроения, трудны сейчас чисто античные, вернее антично-библейские образы, представления, беседы как например (в слове Первом, цитирующем древнего учителя Церкви) Гавриил, смущенный поручением возвестить Деве рождение, говорит Саваофу: «Конечно, Ты всемогущ и можешь иссохшие уды оживить и увядшую трость восставить...» В этом же Слове повторяется о сердце Девы, пламенеющем любовью к Саваофу. Говорится, что в час благовестия и зачатия Дева ощущала неизреченную сладость не плотскую, но духовную... Здесь говорится о великом, чудном и прекрасном. Это не схолии, не аллегии. Но отвыкли мы, увядшие, опавшие, ничтожные, от мощных красот и святые Библии и античного мифа. Не в силах мы взять их силу чудотворную и животворную.

Вечен праздник. Своею мыслью, своею умною песнью может чтить его всяк народ и всяка душа. И особо может чтить Благовещение душа Руси Святой в эти ранние весенние дни, когда «еще в полях белеет снег, а воды уж весной шумят».¹⁰³ Когда тишина стоит на полях и песня вод многих не нарушает ее...

Радуйся, Благодатная, с Тобою Господь.

7 апреля

25 марта
суббота

Оказывается, картины времен года сменяются быстро. Даже зима; это только по инерции мнится что долго и единообразно она тянется. Много ли я в памяти и в эмоциях пейзажей зимних, нательных, зиму венчающих, особых успел ухватить?! Помню мимо Ивановского монастыря шел, зимке снежной, старорусской дивился. Малыми днями позже картина являла туман, мокрые льды. А к Мефимону шел, ручьи шумели. А на 3-й неделе поста обсохли горки-те.

Вчера ко всенощной шедши, чисто весенней, трепетно нежной голубизне неба дивился. Над старыми глыбами Ивановского монастыря тонко и певуче возносилась твердь, голубая в легковейных облачках. Ни в церковь, ни из церкви нельзя было пробиться. Царственным таким напевом пета была стихира «Совет предвечный».¹⁰⁴ Те же певчие умилительно и «Архангельский глас»¹⁰⁵ пели. Остальные стихиры свадебной скороговоркой бойко смотали бабешки на левом клиросе. Хор слепых крикливо (иногда кажется они и глухи!) спешно (с канонам здесь не церемонятся) сбывал с рук ирмосы. Тропарей же читали — один или два. А канон чудный:¹⁰⁶ «Да поет тебе Владычице, движа свирель духовную, праотец Твой...»

В ночи пасмурно, но светлость марта долго сквозит чрез облака. В ночи же, неожиданно, видно, праздника ради устелила город тонко-белая скатерть. В позднюю обедню скатерть осталась лишь по дворам, а с улиц взялась. Небо явилось многооблачно и пестросветло. Плывут по чистой лазури: плат дымчат да плат сиз. Плат серебрян да плат золотой. Стоя в углу церковного двора, разорялся о контрастной живописности светлооблачного неба. Белокаменная церковь необычайно живописно компоновалась с небесным сильным фоном. Тени и света неба и здания были одинаково силь-

ны. Я побежал скорей глядеть Ивановский монастырь. Какая радость художнику! Воздух чист: ни пыли, ни дыма. Отмытый что мозаика булыжник мостовых и плитняк тротуаров, что слоновая кость. И громоздкий ансамбль монастыря, тронутый с юга золотыми бликами, а с севера беспрестанно подчеркиваемый перебегающими тенями, придающими такую объемность пейзажу. Эта призрачная объемность чрезвычайно живописна в сильном фоне облак, то мутных, то сияющих.

12 апреля

*30 марта
четверг*

Ох, как я вчера понял и на своем носу зарубил словеса: «дух любоначалия и празднословия не даждь ми!»¹⁰⁷ Пригласили выступить на 10(!)-летию организации («ученой») и... не выпустили, затем что «заслуженные» песочницы заняли время... Ну, хамство обычное. Негодую не на эту научно-лакейскую шпану, не на всю эту убогую мразь; горюю о самом себе: что я могу так негодовать, возмущаться, рваться в куски за опозоренье мое перед знакомыми. Как доходит до дела, до столкновения с «людьми», так и вижу я себя таким же как и вся эта ничтожная дрянь, — профессора, доценты и т.п. Перечислял председатель доклады за десять лет... Какого мусора гора: не то что празднословие, а пустословие и суесловие. Какая между всякими убогими «научными» организациями чехарда, кто кого перескочит. И в этом во всем варятся, всплывают, садятся на дно... убогое «любоначалие»... Я в гневе на сих оскорбителей моей чести выскочил на улицу.. А ночь-та весенняя тихая, звезды что свечи... Бежавши до трамвая, обдумывал: — вот так-то завтра обругаю, выпою... Но, глядя на звезды, зачитал: «В начале бе Слово...»¹⁰⁸ до конца. И — стыдно стало: на кого я горячусь, кто меня оскорбил: насекомые. Уйти от клопиного гнезда и, — нет их для тебя...

Окол себя-то все у меня в беспорядке, куда что рассовано, не помню. Всяким делом волочу долго. Делаю мешкотно. Неисправности мои копятя в большие неприятности, переходят в бедственности. Этот воз везет брателко, а я иногда толкаю сзади, нередко сам на воз-от присаживаюсь отдохнуть.

Надоел сегодня братишку, расписывая (раз по-десять одно и то же) вчерашние надо мною козни. В поздновечернюю зорю срядил

он меня на улицу. Напялил шубенку, на нее пальто, запрясал, на-шел рукавицы и шапку (всегда это в местах необыкновенных у нас завалится) и выпроводил на двор.

...Я долго под углом стою; небо-то светлое не положит ли слово благое в душу... Двор-от обтаял весь; глина. Уж не спорит белизна снега с небом. Одно небо светят. И так обыденкой-то всякой себя ухлопаю, что ничего уж нет на уме-то. Как рыба разеваю рот... Уж все равно мне, что Лествичника сегодня.¹⁰⁹ Уж не под силу это. Облак лентою стоит над двором... Вот, думаю, облачко это протянулося за город над лесами. Там тихо, сошли снега, воды там, около домов дворы, амбары, сараи, гумна... Теперь насквозь деревню видно. Торчат избушки на голом месте, одна по одной. Ни дворов, ни гумен, ни амбарушек. Было сто мужиков. Сто мужиков с сыновьями в поле выедут... Теперь восемь баб — 100 коней, конь коня лучше...

¹ Навечерие Святых Богоявлений — «Крещение Господа названо Богоявлением: потому что в нем явил Себя так осязательно единый истинный Бог, в Троице покланяемый: Бог Отец — гласом с неба, Бог Сын — воплотившийся крещением, Бог Дух Святой — низшествием на Крещаемого (...) Все таинства христианские сияют здесь божественным светом своим и просвещают умы и сердца с верою совершающих это великое празднество...» (Св. *Феофан Затворник*. Краткие мысли на каждый день года по церковному чтению из Слова Божия. Изд. Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря, 1991. С. 24).

² «Часть моя на земле живых» — «Господь обещает кротким, что они наследуют землю. — В отношении к последователям Христовым вообще оно есть предсказание, которое исполнилось буквально: ибо постоянно кроткие христиане, вместо того, чтобы истребленными быть яростью мучеников, наследовали вселенную, которою прежде обладали язычники. Дальнейшее же значение сего обетования в отношении к христианам вообще и порознь есть то, что они получают наследие, по выражению Псалмопевца, *на земле живых*, там где живут и не умирают, то есть получают вечное блаженство» (*Митрополит Филарет*. Христианский катехизис. Подворье Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря. М., 1995. С. 105). Пс. 26, 13.

³ «Земля живых» — сад — «Слово Рай значит сад. Так названо прекрасное и блаженное жилище первого человека, описанное в книге Бытия подобным саду (...) Рай (...) был (...) для тела вещественный, как видимое блаженное жилище; а для души духовный, как состояние благодатного общения с Богом и духовного созерцания тварей (...) Древо жизни? Такое древо, которого плодами питаюсь, человек и телом был бы безболезнен, и бессмертен» (*Митрополит Филарет*. Христианский катехизис. С. 31).

⁴ Тут воды живы протекли — «Кто верует в Меня, у того, как сказано в Писании, из чрева потекут реки воды живой. Сие сказал Он о Духе, которого имели приять верующие в Него». (Ин. 7, 38—39).

⁵ Тема велика и живописна: «Водам освящается естество» — Из тропаря на водоосвящении, глас 8-й: «Днесь вод освящается естество, и разделяется Иордан, и своих вод возвращает струи, Владыку зря крещаема...»

⁶ Тема: «Явился еси днесь вселенней...» — «Явился еси днесь вселенней и Свет Твой Господи знаменая на нас, в разуме поющих Тя: пришел еси и явился еси. Свет неприступный». (Кондак, глас 4).

Еще тема: «Троица явлась вкупе днесь» — Из 1-го тропаря 8-ой песни канона «Навечерие Просвещения, последование часов»: «Троица, Бог наш, Себе нам днесь нераздельно яви...»

⁷ Христосе. Свете истинный, просвети лице Твое на ны. — «Господи Боже сил, обрати нас, и просвети Лице Твое, и спасемся...» (Пс. 79, 4).

⁸ Свете тихий — «Высокая и святая вечерняя песнь, (...) которая относится к Самому Христу и возвещает дела Его. Сия песнь (...) сочинена священномучеником Афиногеном, пострадавшим около 169 года, при Севере и, принятая церковью, поется всегда на вечерне с особенным вниманием, и благоговением». (Вениамин, архиепископ Нижегородский и Арзамасский. Новая скираль. СПб., 1899. Т. 1. С. 90).

⁹ Вот январь месяц круга церковного (...) Се поля Васильевы вседовольные... — Начало января связано с именем Св. Василия Великого (1 января ст. ст.) и завершается месяц Собором Вселенских учителей и святителей Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста (30 января). Далее в этой дневниковой записи упоминаются те святые, празднование памяти которых происходит в январе: прп. Антония Великого (ум. 356) — 17 января, прп. Феодосия Великого общих житий начальника (ум. 529) — 11 января, прп. Ефрема Сирина (ум. 373) — 28 января, прп. Евфимия Великого (ум. 473) — 20 января, прп. Макария Великого Египетского (ум. 390 или 391) — 19 января, свт. Григория Нисского (ум. после 394) — 10 января, прп. Иоанна Кушника (V в.) — 15 января, свт. Афанасия (ум. 373) и Кирилла (ум. 444), архиеп. Александрийских — 18 января, прп. Серафима Саровского (ум. 1883) — 2 января, прп. Феодосия Тотемского (ум. 1568) — 28 января, прп. Павла Комельского (Обнорского) (ум. 1429) — 10 января, свт. Филиппа, митр. Московского и всея России чудотворца (ум. 1569) — 9 января.

¹⁰ Час предвидя суда, рыдал еси горько Ефреме... — Начало кондака, гл. 2: «Час присно провидя суда, рыдал еси горько, Ефреме...» В юности прп. Ефрем Сирин был обвинен в преступлении, взят под стражу и заключен в темницу. Будучи невиновен, осознал свою вину перед Богом за другие свои деяния. В темнице дал обет посвятить всю жизнь покаянию и вскоре оставил мир. «Непрестанный представлением» страшного пришествия Христова, последнего суда и будущей участи праведников и грешников, сам возбуждая в себе сокрушение, прп. Ефрем часто и перед своими слушателями изображал картину последнего суда» (Соколов А. К. Жизнь и труды Св. Ефрема Сирина // Св. Ефрем Сирин. Творения. Т. 1. Изд. отдел Московского Патриархата. 1993. (Репринт). С. 66).

¹¹ Ведь Ефремовой речью молимся мы... — «По опыту зная спасительные плоды сокрушения и слез, Ефрем и в наставлениях своих другим живо изображал силу спасительного плача (...) Словами пр. Ефрема св. Церковь доселе молится во дни покаяния: Господи и Владыко живота моего! дух праздности, уныния, любоначала и празднословия не даждь ми...» (Соколов А. К. Жизнь и труды св. Ефрема Сирина. С. 63, 71).

¹² «радость неотымаемая»... — «Я увижу вас, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отнимет у вас» (Ин. 16, 22).

¹³ ...праздник-от прославить... — Сретение, двенадесятый праздник православной церкви, отмечаемый 2(15) февраля.

¹⁴ В «Серебряном голубе» у Белого изображены какие-то сектанты... — Описание мистического действия, совершаемого членами секты «голубей» см.: А. Бельй. «Серебряный голубь». Повесть в семи главах. М., Скорпион, 1910 (глава 6, «Деланье»).

¹⁵ Собор во Владимире — Успенский кафедральный собор. Построен вел. кн. Андреем Юрьевичем Боголюбским в 1158—1160 гг.).

¹⁶ Мишуткину печурку сняв... — Мишутка — Барыкин Михаил. Б. В. Шергин считал его своим племянником; жили одной семьей.

¹⁷ Братец — Круг Анатолий Викторович (ум. в 1957 г.), родственник Б. В. Шергина и близкий ему по духу человек. Во время Первой мировой войны был на фронте братом милосердия.

¹⁸ Воскресение мытаря и фарисея (<...>, «фарисея убежим высокоглаголения и мытареве научимся высоте глагол смиренных». — В этот день в церкви читается из Евангелия притча Господня о мытаре и фарисее. «В притче, примером мытаря и фарисея, Господь научает нас, с каким расположением духа нужно молиться нам в Церкви, или где бы то ни было (<...> через молитву человек общается с Богом». (Св. Иоанн Кронштадтский. Из беседы в неделю мытаря и фарисея св. Иоанна Кронштадтского // Св. Иоанн Кронштадтский. Великий пост., М., 1991. С. 9.)

¹⁹ Люблю слышать «дольней лозы прозябанье...» — Из стихотворения А. С. Пушкина «Пророк» (1826).

²⁰ «Боже, милостив буди мне грешному...» — Лк. 18, 13.

²¹ Великим умом и опытом отцы-те беседуют... «Ежели видишь подвижника юного...» — В «Отечнике» это изречение записано следующим образом: «Если увидишь юношу, последующего своей воле и восходящего на небо, то возьми его за ногу и низвергни на землю, потому что такое восхождение на небо пагубно для него» (Отечник или краткое собрание изречений св. отцов о жизни христианской, составленное на основании трудов еп. Игнатия (Брянчанинова). М., 1991. С. 113).

²² «Тако да просветится свет ваш пред человеки...» — Матф., 6, 16.

²³ Святой Григорий рек... — Св. Григорий Богослов, архиеп. Константинопольский (ум. 389).

^{23а} ...положил руку на рало... — ...возложив руку на рало... — Лк. 9, 62.

²⁴ Четых Минеи — см. примеч. 96.

²⁵ А. Толстой помер... — Толстой Алексей Николаевич (1882—1945) — писатель.

²⁶ Услышу (<...>) поет кто-то: горе де имеем сердца. — Возглашение иерея на литургии вскоре после чтения Символа веры.

²⁷ ...из низости-то подняться душою — Б. Шергин перефразирует Строку из «Оды к радости» Ф. Шиллера (1785): «Чтоб из низости душою мог подняться человек...»

²⁸ Зачитаю изусть Евангелие пасхальное...: «Въ начале бе Слово...» — Ин. 1.1—1,5. Шергин цитирует по памяти. Читается в церкви в день Светлого Христова Воскресения (Ин. 11—17).

²⁹ Ивановский переулоч, Ивановский монастырь — Находятся в Москве в Белом городе. «Ивановский 2-го класса общежительный женский монастырь на Ивановской горе. К нему ведут Большой Ивановский и Малый Ивановский переулочки. Монастырь основан в начале или середине XVI столетия и назывался „Ивановский монастырь на Кулишках, под Бором“. Здесь в заточении находилась инокиня Досифея (в миру принцесса Августа Тараканова). Собор Усекновения главы Иоанна Предтечи, 2 храма и 4 престола. В 1918 г. монастырь был закрыт и превращен в тюрьму. Перед собором был устроен дворик, окруженный портиками, наподобие атриумов древних христианских храмов». (Сорок сороков: Альбом-указатель всех московских церквей: В 4-х тт. / Сост. С. Звонарев. 1988: УМКА-Press. Т. I. С. 155.

³⁰ Девица. Не умерла, но спит. — Мф. 9, 24.

³¹ «Объятия Отча отверзи ми потщися» — из тропаря на «Славу» по первой кафизме Псалтыри.

³² Триодь Постная — см. примеч. 97.

³³ Иисусе, быстрота умная. Иисусе, память предвечная. Иисусе, светлость душевная. Иисусе, мудрость священная. — Из Акафиста сладчайшему Господу нашему Иисусу Христу. Икосы 7—8. Б. Шергин цитирует по памяти. В иконе 7 — «мудрость недомыслима».

³⁴ ...уж часы ночной ходьбы вышли. — Речь идет о комендантском часе в Москве.

³⁵ А я Ивановским переулочком шаркнул к Петру и Павлу. — Имеется в виду храм первоверховных апостолов Петра и Павла в Лефортове. После 1917 г. оставался действующим.

³⁶ «Оглашенные, изыдите!» — По церковным правилам, оглашенные, т.е. те, кто через поучение живым голосом научается вере и готовится к св. крещению, не могли присутствовать при совершении Божественной литургии и после возгласения диакона должны были покидать храм. После этого возгласения и христианину дозволялось выйти из храма.

³⁷ ...«Цветущее блаженство мая... Вяло свод небесный на землю тощую глядит... И торопливо, молчаливо / Ложится по долине тень...» — Цитаты из стихотворений Ф. Тютчева: «Нет, моего к тебе пристрастья я скрыть не в силах, мать-Земля...» (1835); «Здесь, где так вяло свод небесный на землю тощую глядит...» (1829); «Вечер» (1826; 1829(?)).

³⁸ ...«не о хлебе едином будет жив человек» — «Он же отвечав рече: писано есть: не о хлебе едином жив будет человек, но в всяком глаголе исходящем из уст Божиих» (Матф. 4, 4); «Да возвестит тебе, яко не о хлебе едином жив будет человек, но о всяком словеси исходящем из уст Божиих жив будет человек» (Втор. 8, 3); «И отвеща Иисус к нему глаголя: писано есть, яко не о хлебе едином жив будет человек, но о всяком глаголе Божиим» (Лк. 4, 4).

³⁹ ...Что тебе ты по Мне гряди... — «Во утрий же восхоте изыти в Галилею: и обрете Филиппа и глаголя ему, гряди по Мне. (Ин. 1, 43).

⁴⁰ ...Один древний мудрец пришел за пушим умом в Афины... «ΓΝΩΘΙ ΣΕΑΥΤΟΝ» — «познай самого себя». — Речь идет о Сократе. Известная надпись на вратах храма в Дельфах: ὕψιθι σεαυτὸν (см.: Платон. Федр. / Пер. А. Н. Егунов. М., 1989. С. 4).

⁴¹ «Внимай себе» — одно из наиболее важных действий в духовном делании. Отцы Церкви (прп. Исаак Сирий, Авва Дорофей, прп. Иоанн Лествич-

ник, прп.Симеон Новый Богослов и другие) свидетельствуют о том, что подвижнический труд во многом состоит в заботе и соблюдении чистоты сердца. Достижение этого возможно при постоянном «испытании страстей» (помыслов). Об этом см., напр., прп. Исихия: пресвитера Иерусалимского. «К Феодулу душеполезное и спасительное слово о трезвении и молитве»: «Трезвение — (...) есть собственно чистота сердца». Великий Законодатель Моисей: паче же Дух Святой, показывая, сколь сия добродетель непорочна, чиста, всеобъемлюща и высокотворна и научая нас, как должно начинать ее и совершать, говорит: **ВНЕМЛИ СЕБЕ, ДА НЕ БУДЕТ СЛОВО ТАЙНО В СЕРДЦЕ ТВОЕМ БЕЗЗАКОНИЯ** (Втор. 15, 9), тайным словом называя одно мысленное изображение какой-нибудь греховной, Богу ненавистной, вещи: что св. Отцы называют также приводимым в сердце от диавола прилогом, за которым вслед за появлением его в уме, тотчас последуют наши помыслы и страстно с ними разглагольствуют» (Добротолюбие. Т. 2. Изд. 2-е. М., 1895. С. 158).

⁴² «Восходите, братия, восходите» — зовет Лествичник — Прп. Иоанн Лествичник (ок. 525 — после 600), один из учителей монашества. По просьбе игумена Раифского написал Лествицу духовную, в которой в 30 словах изображает степени восхождения к совершенству в духе: «Восходите, братия, восходите усердно, полагая восхождение в сердце своем, и внимая Пророку, который говорит: приидите, взыдем на гору Господню, и в дом Бога нашего (Ис. 2, 3), совершающего нозе наши яко елени, и на высоких поставляющего (Пс. 17, 34) чтобы нам соделаться на пути Его...» (Прп. Иоанна, игумена Синайской горы. Лествица. 7-е изд. Козельской Введенской Оптиной пустыни. Сергиев Посад. 1908. С. 251).

⁴³ Возьми крест свой... и по Мне гряди — «Истинный путь — путь креста». «И кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня». (Мф. X, 38. См. об этом также: Лк. IX, 23; Мк. VIII, 34).

⁴⁴ Господь дал тебе иго благое и бремя легкое... — «Иго бо мое благо, и бремя мое легко есть» (Мф. 11, 30).

⁴⁵ Авва Антоний говорит: «Сам ты себя не помилуешь, дак и Бог тебя не помилует и я не умолю». — Из изречений св. Антония Великого о «силе, движущей на подвиги и поддерживающей в них»: «Сила (...) — эта ревность о спасении...» «Почему, когда однажды брат, у которого недоставало этой ревности, пришедши к св. Антонию, просил его помолиться о нем, великий старец ответил ему: ни я, ни Богу не сжалиться над тобою, если ты не будешь заботиться сам о себе и молиться Богу.» (Добротолюбие. Изд. 3. Т. I. М., 1895. С. 120).

⁴⁶ Никола Скорый помощник — св. Николай, архиепископ Мир Ликийских (ок. 280—345).

⁴⁷ 23 февраля память была старца Назария игумена Валаамского — о. Назарий (в миру Николай Кондратьевич Кондратьев; 1735—1809) — игумен Валаамского Спасо-Преображенского монастыря.

⁴⁸ ...Паисий Величковский (в миру Величковский Петр Иванович; 1722—1794) — инок Киево-Печерской Лавры, пустынножитель на Афоне, основатель Нямецкого монастыря в Молдавии. *Серафим Саровский* — прп. Серафим (Саровский, в миру Мошнин Прохор Сидорович; 1759—1833) — старец-пустынножитель и затворник, иеромонах Саровской пустыни.

⁴⁹ «Не знаю как Вы, а я себя так чувствую, что перед всеми я должен и всем виноват» — Старческое наставление о. Назария, игум. Валаамской обители. СПб. 1853. С. 17

⁵⁰ Дивные речи, вложенные Достоевским в уста брата старца Зосимы, отсюда взяты... — О брате старца Зосимы Маркеле см.: Ф. М. Достоевский, роман «Братья Карамазовы», ч. II. Кн. 6. «Русский инок», повествование «О юноше брате старца Зосимы»: «И дивились все словам его (...) умилялись и плакали (...) Да еще скажу тебе матушка, что всякий из нас пред всеми во всем виноват, а я более всех...»

⁵¹ А про Соловьева неложно сказал один католический епископ (...) что (...) «душа его (...) vere sancta est» — Соловьев Владимир Сергеевич (1853—1900) — русский религиозный философ. Высказывание о В. С. Соловьеве принадлежит еп. Боснии Штроссмайеру, оно содержится в письме Венскому нунцию Ванутелли (1886 г.): «Soloviev anima candida pia ad vere sancta est» — «Душа чистая, благочестивая и воистину святая» (Соловьев С. М. Жизнь и творческая эволюция Вл. Соловьева. Брюссель. 1977). Б. В. Шергин, вероятно, пользовался Собр. писем В. Соловьева (Т. 1. СПб., 1908. С. 183).

⁵² ...камень сей небрегоша зиждущий... — Камень, его же небрегоша зиждущий, сей бысть во главу угла (Пс. 177, 22: Лк. 10, 40).

⁵³ ...И молит (...) помяни мя, Господи, егда приидеши во Царствии Твоем — Лк. 23, 42.

⁵⁴ «В небесах торжественно и чудно» — цитата из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Выхожу один я на дорогу» (1841).

⁵⁵ Капель ударила (...) сей год в самую Евдокию — 1 марта — память св. преп. муч. Евдокии. На этот день приходится много примет относительно будущей весны.

⁵⁶ ...«звезды частые от риз Божиих» — стих из «Голубиной книги». — Духовные стихи. М., 1991. С. 32.

⁵⁷ ...Гавриил Благовещение Деве принесет: «Благовестуй, земля, радость велию...» — Поется на утрени в день Благовещения: «Благовестуй, земля, радость велию, хвалите, небеса, Божию славу».

⁵⁸ И как де на 40 мучеников жаворонков пекли (...) Старухи в булочной толковали, что сегодня грачи прилетают... — Днем прилета грачей на Руси считался день 4 марта (память прп. Герасима), что выражалось в поговорках, напр., «Герасим грачевник грачей пригнал».

День равноденствия, день сорока мучеников (9 марта): «Главное, чем славится (...) это — прилет птиц, прилет жаворонков: про то знает каждый ребенок, даже городской, так как в этот день, если жаворонки не всегда появляются в лесах и полях, они уж наверное появляются в окнах булочных. Прилет птиц весной из неведомой страны ирья был отмечен еще Великим Князем Владимиром Мономахом в его поучениях детям: „Птицы небесные из ирья идут, да наполнятся леса и поля...“» (Ермолов А. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. 1. Всенародный месяцеслов. СПб., 1901. С. 160).

⁵⁹ Сегодня маме память — Анна Ивановна Шергина, архангельская поморка.

⁶⁰ Дивные птицы райские поют в ночи, Сирин и Алконост... — Тексты о Сирине и Алконосте, восходящие к духовным стихам и византийским и рус-

ским легендам, помещались рядом с изображениями этих райских птиц на лубочных картинах.

⁶¹ Воскресение прощенное — церковный праздник, совершаемый в последнее воскресенье перед Великим постом.

⁶² ...идут «дни печальные Великого поста» — строка из стихотворения А. С. Пушкина «Отцы пустынноики и жены непорочны» (1836).

⁶³ Сегодня в понедельник и по четверг (<...> поет церковь Канон Великий — В понедельник, вторник, среду и четверг 1-й седмицы на великом поведении читается Великий канон прп. Андрея Критского.

⁶⁴ Дивны сии напевы: «Помощник и покровитель» — Ирмос 1-ой песни Великого канона прп. Андрея Критского: «Помощник и покровитель бысть мне во спасение...»

^{64a} «Хлеб сладок Святые Троицы» — тропарь вчм. Федора Тирона, глас 2. Поется в пятницу и субботу 1-ой седмицы Великого поста.

⁶⁵ К Мефимону — слушать чтение Канона; ефимоны — вечерняя церковная служба первых четырех дней 1-ой седмицы в Великий пост.

⁶⁶ «Тяжкий млат, дробя стекло...» — Б. Шергин цитирует строки из поэмы А. С. Пушкина «Полтава» (1828): «Окрепла Русь. Так тяжкий млат / Дробя стекло, кует булат».

⁶⁷ Ирмос — см. примеч. 102.

⁶⁸ Андрей Критянин — Св. Андрей, епископ Критский (ум. 712). Св. Андрей присутствовал на VI Вселенском соборе. После того был диаконом великой Софийской церкви в Константинополе, а затем епископом на острове Крите. Из сочинений св. Андрея известны слова на праздники и великий покаянный Канон, читаемый во время Великого поста по частям на 1-й неделе, за повечерием, и всецело на 5-й неделе, в четверг за утренюю.

⁶⁹ Плачет как Мария и Марфа над Лазарем... — см. Ин., 11, 1—45.

⁷⁰ «Седьм холмов» — семь холмов, на которых стоит Москва.

⁷¹ Птичка-та... села и запела: как ты март ни хмурься, все весною пахнет — Цитата из стихотворения А. Н. Майкова «Ласточка» (1858): Как февраль ни злися, / Как ты март ни хмурься, / Будь хоть снег, хоть дождик — / Все весною пахнет!

⁷² «Елицы во Христа креститесь во Христа облекостесь». — Эта песнь поется во праздники Рождества Христова, Богоявления, в субботу Лазареву, в великую Пасху и в Пятидесятницу, вместо трисвятого. Она поется потому, что в древности крестились в эти праздники оглашенные, которые, сделавшись новопросвещенными, этой песней приветствовались церковью.

⁷³ «Сораспнемся Христу, сопогребемся Христу и со Христом воскреснем» — из Тропаря на праздник входа Господня в Иерусалим: «Спогребемся Тебе крещением, Христе Боже наш, бессмертна жизни сподобихомся воскресением Твоим...»

⁷⁴ «...слезы людски неутолимые, неисчислимы, льющиеся как дожди осенние» — парафраз стихотворения Ф. Тютчева «Слезы людские, о слезы людские...» (1849).

⁷⁵ «Господи, я драхма погибшая, найди во мне образ Свой» — Канон Великий св. Андрея Критского. Песнь 1 (читается во вторник) «Погребох первого образа доброту, Спасе, страстями, юже яко иногда драхму, взыскать обрящи». См. также: Мф. гл. 17 и толкование на эти главы Евангелия блаж.

Феофилакта (Благовестник или толкование Блаженного Феофилакта, архиепископа Болгарского на Святое Евангелие. Ч. 1. 1993: «Скит». С. 162—163).

⁷⁶ Тропарь «Душе моя» поют сильно — Кондак «Душе моя» из Канона Великого.

⁷⁷ Бог все исполняет... — Новая запись в «Дневнике» продолжает передавать душевное состояние Б. Шергина, связанное со слушанием Великого Канона и словами тропаря: «...да пошадят тя Христос Бог, везде сый и вся исполняй».

⁷⁸ Пушкин в чудных стихах изложил молитву.. — Имеется в виду великопостная молитва св. Ефрема Сирина (см. примеч. 11) и стихотворение Пушкина «Отцы пустынники и жены непорочны...» (1836).

⁷⁹ «Двух станом не боец, а только гость случайный...» — Начало стихотворения А. К. Толстого «Двух станом не боец, а только гость случайный...» (1858).

⁸⁰ «Дух дышит, где хочет» — Ин. 3, 8.

⁸¹ Свет во тьме будет светить... — «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (Ин. 1, 5).

⁸² Господь и из камня изведет чад Церкви — Исход 33, 17—22; Мф. 24, 2; Римл. 6, 4. «Поелику, как Иисусе, восприяв на себя грехи вселенной, умер, дабы умертвивши грех, воскресить тебя правдой: так и ты нисшедши на воду, и некоторым образом погребшись в оной, подобно, как он во гробе каменном, восстанешь паки, дабы ходить во обновлении жизни» (Св. Кирилл, арх. Иерусалимский. Поучения огласительные и тайноводственные. М., 1991. С. 38—39).

⁸³ Пусть будет два да три — Христос посреде нас! — Взаимный привет священнослужителей на литургии перед исповеданием веры: «Христос посреде нас» — «И есть и будет»; «Сохранилось предание, что в древнем Новгороде эти слова были обычным приветствием при встречах...» (Практическая символика / Сост. Г. Дьяченко. М., 1903: Изд. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. (Репринт). 1992. С. 403.)

⁸⁴ «Шутить и век шутить...» — Цитата из комедии Грибоедова «Горе от ума». Д. 3. Ст. 1.

⁸⁵ ...«На груди благой природы все, что дышит — радость пьет» — Строки из «Оды к радости» (1785) Фр. Шиллера.

⁸⁶ ...Отсюда церковное: «радуйтесь» — «Егда же идысте возвестити учеником Его, и се Иисус сrete я, глаголя: радуйтесь». (Мф. 28, 9).

⁸⁷ Старец Амвросий Оптинский — прп. Амвросий Оптинский (в миру Гренков Александр Михайлович; 1812—1891), иеросхимонах, старец, духовный писатель.

⁸⁸ «А одному и у каши не спору» — фразеологизм из русской пословицы.

⁸⁹ Алексей — с гор вода — Память прп. Алексия, человека Божия (ум. 411) — 17 марта. Св. Алексей с юности поменял богатство и знатность на нищету и безвестность. На Руси считается «весенним» святым.

⁹⁰ Величание — церковное песнопение на утрени.

⁹¹ ...у акафиста «Страстям...» — акафист Божественным страстям Христовым.

⁹² Хотьково — селение недалеко от Сергиева Посада под Москвой. Б. Шергин там жил в летнее время.

⁹³ Пажа — река рядом с Хотьковым.

⁹⁴ «Гонимы вешними лучами» — строка из поэмы А. С. Пушкина «Евгений Онегин» (гл. VII, I).

⁹⁵ Соломонида Ивановна — С. И. Черная, знакомая Б. В. Шергина.

⁹⁶ Радуйся, Обрадованная, радуйся Благодатная... — Лк. 1, 26—39. «Ангел предстатель с небесе послан бысть реши Богородице: „радуйся“» — Икос 1 акафиста Благовещения.

⁹⁷ А давно ли великим грехом было задеть работы в этот день: «Птица гнезда не вьет...» — «Благовещение столь большой праздник что, как уже сказано, и грешников в аду не мучают (...) нельзя в этот день ничего (...) делать, и даже птица, как известно, в Благовещение гнезда не вьет (...) На Благовещение выпускают птиц на волю...» (*Ермолов А., Ук. соч. С. 176*).

⁹⁸ «На волю птичку выпускали при светлом празднике весны...» — Строка из стихотворения А. С. Пушкина «Птичка» (1823).

⁹⁹ ...в четье-минее (издание конца XVIII в. Киевской печати) чел «Слово на Благовещение» — Вероятно, Шергин читал Четью Минею св. Димитрия Ростовского издания 1764 года. (Об изданиях см.: *Круминг А. А. Четьи Минеи святого Димитрия Ростовского: Очерки истории издания // Святой Димитрий, митрополит Ростовский: Исследования и материалы. (Филевские чтения. Вып. IX. М., 1994). «Четьи Минеи (применительно к конкретному произведению правильнее форма единственного числа — Четья Минея) — сборник, содержащий жития святых, расположенные по дням года, в порядке церковного поминовения»* (*Круминг А. А. Ук. соч. С. 18*). На день Благовещения помещены два «Слова»: «Месяца марта в двадесятый день Слово на Благовещение Пресвятыя Богородицы от Божественного Писания и от святых отец и достоверных повествователей собранных» и «Иже во святых отца нашего Иоанна Златоустого архиепископа Константинограда, Слово на Благовещение Пресвятыя Богородицы».

¹⁰⁰ Дамаскин — прп. Иоанн Дамаскин (ум. 776). Невинно осужденный дамасским калифом, был исцелен по молитвам Пресвятой Богородицей, поселился в лавре Св. Саввы, где ему было позволено прославлять Господа в песнопениях. «С тех пор Иоанн начал усердно писать духовные книги и составлять песнопения в честь святых и в память праздников. Он написал множество прекраснейших церковных песнопений и, расположив их на 8 голосов, или напевов, составил богослужебную книгу «Октоих» (осьмигласник). Он первый составил в систематическом порядке Изложение православной веры, т(ак) наз(ываемое) «Догматическое богословие» (Жития всех святых / Сост. свящ. Иоанн Бухарев. Изд. 3. М., 1900. С. 682).

¹⁰¹ Иосиф — Прп. Иосиф, еп. Солунский (ум. 830). «Брат св. Феодора, преп. Иосиф (...) тоже страдал от иконоборцев и скончался в Студийском монастыре. Иосиф (...) известен как составитель церковных песнопений. Святым братьям Феодору и Иосифу приписывается составление церковной книги — „Триоди постной“, употребляемой при Богослужении Великим постом». (Жития всех святых. С. 66—67).

¹⁰² Слово Златоустого — Св. Иоанн Златоуст (ок. 350—407) — архиепископ Константинопольский, византийский церковный деятель.

¹⁰³ ...«Еще в полях белеет снег...» — Строка из стихотворения Ф. Тютчева «Весенние воды» (1829 — нач. 1830 гг.).

¹⁰⁴ ...пета была стихира «Совет предвечный» — Стихира (греч.) — то, что написано стихами, стихотворение. В богослужении стихирами называются песнопения, повествующие о празднуемом событии.

¹⁰⁵ «Архангельский глас» — Величание Благовещения: «Архангельский глас вопием Ти, Чистая: Радуйся, Благодатная, Господь с Тобою».

¹⁰⁶ А канон чудный... — «Чтение канона — важнейшая часть утрени». Канон «первоначально называлась церковная служба, последование или правило с указанием порядка числа молитв и псалмов, которые положено пропеть или прочитать в течение суток. В обители преподобного Феодора Студита наименование «Канон» получила большая по объему церковная песнь, со строго выдержанной литературной формой, исполняемая на утрени, после полиелея.

Канон — это священное поэтическое произведение, объединяющее девять песней, в котором прославляются жизнь и подвиги святого или лика святых, славословится праздничное событие. Первая строфа каждой из девяти песней канона — ирмос, в переводе с греч. — «связь», связывает в единое целое последующие строфы (тропаря) и задает им определенный музыкальный ритм и молитвенный настрой» (Всенощное бдение. Литургия. Изд. Московской патриархии. 1982. С. 68). «Да поет тебе Владычица...» — стих из тропаря первой песни Канона Благовещенью.

¹⁰⁷ ...«дух любоначала и празднословия не даждь ми!» — слова великопостной молитвы прп. Ефрема Сирина.

¹⁰⁸ «В начале бе Слово...» — Ин. 1.1.

¹⁰⁹ ...Лествичника сегодня — Память прп. Иоанна Лествичника.